

* * *

Поместье «Ботсворт». Май 1934 г.

Гурьев вместе в Тэдди сели в третий ряд для зрителей. У края поля, вместе с автомобилями других гостей, расположился «Ягуар» Осоргина. На зрительские места моряк идти отказался, отговорившись необходимостью подумать в одиночестве. Гурьев оставил ему один из биноклей — так, на всякий случай.

Во время перерыва после первых трёх чаккеров*¹ Рэйчел подъехала к Гурьеву и брату — возбуждённая скачкой, раззурмянившаяся, с выбившимися из-под шлема волосами. Тёмно синяя атласная амазонка, невероятно шедшая к её глазам, вздымалась на груди, белые лосины были испачканы следами от комочков земли, разлетавшихся от клюшек игроков и лошадиных копыт. Заглянув в её сияющие глаза, Гурьев подумал, что сейчас, наплевав на предупреждение, стащит Рэйчел с седла и начнёт целовать, — прямо при всех. Прямо на глазах у мальчика. Он поднялся:

— Вы очаровательны. Леди Рэйчел.

Она улыбнулась ему открыто и щедро, давая понять, что примирение состоялось и происшествие на прошлой неделе, из-за которого они не виделись целых три дня, окончательно забыто, как мелкое и досадное недоразумение.

— Благодарю вас. В следующий раз вы тоже попробуете, Джейк. Вам понравится! — крикнула Рэйчел и, развернув лошадь и дав ей шенкеля, ускочила к месту сбора.

Бинокль был в руках мальчика, и Гурьев, менее всего желая выказать ему свою тревогу, решил, сцепив зубы, обойтись обычным зрением. И Рранкар, как назло, всё ещё ковыляет, так что... Проклятье.

— Что она делает? — спросил Гурьев, увидев, что Рэйчел спешила.

Тэдди снова поднёс к глазам окуляры. Опустив бинокль, пожал плечами и, недоумённо улыбаясь, посмотрел на Гурьева:

— Меняет пони. А что?

— Я вижу, что она меняет пони. Как ты думаешь, всё в порядке?

— Ты что, Джейк? Если матч длинный, из шести чаккеров, пони...

— Рэйчел сказала, что матч будет из четырёх чаккеров.

— Джейк... Я не знаю... Четыре... Ну, обычно, конечно, они в четыре играют... Я не знаю, сегодня, наверное... Что такое, Джейк?

— Ничего, Тэдди. Ничего. Всё хорошо.

Спокойно, сказал он себе, спокойно. Ещё два раза по семь минут и два пятиминутных перерыва. И всё. И мы поедem домой. И я скажу ей, наконец. Я больше не могу...

Он был абсолютно уверен, что ничего не случится. Да что, чёрт возьми, может случиться?! И только, взяв в руки бинокль, Гурьев понял, что ошибся. Это не Норма, это не Трэйси, что пообещали ему быть осторожными и беречь Рэйчел, как зеницу ока. Это другая пони. Очень, очень похожая на Норму, просто — как две капли воды. Другая. Да что же это такое, подумал Гурьев. Как же так?! Ведь я абсолютно всё предусмотрел. Абсолютно обо всём позаботился. Как же так, Господи?!

До конца пятого чаккера оставалось меньше пятнадцати секунд. Гурьев увидел, как Рэйчел, столкнувшись с кем-то из команды противника, упала. И услышал крик. Сначала крик Рэйчел, оборвавшийся так страшно, а потом — истошный крик Тэдди:

— Рэ-э-э-эйче-э-э-эл!!!

Гурьев взвился, будто им выстрелили из пушки, и ринулся туда, где лежала Рэйчел. Как она плохо лежит, пронеслось у него в голове. Как поломанная кукла. Да что же это такое?!

Осоргин, молодчина, отреагировал мгновенно. Судья ещё бестолково махал руками, а «Ягуар», надрывно завывая мотором, уже мчался по полю навстречу Гурьеву, туда, где лежала Рэйчел. Я тебя люблю, капитан, успел подумать Гурьев, падая перед телом Рэйчел на колени за несколько секунд до того, как «Ягуар» с заносом остановился рядом, подняв фонтаны перемешанной с дёрном земли.

---

¹ Чаккер — период игры в поло продолжительностью семь с половиной минут; летний поло-матч обычно состоит из шести чаккеров.

Лондон. Май 1934 г.

Тэдди, вцепившись в Гурьева и до крови искусав себе губы, не отрываясь, смотрел на двери, за которыми скрылась каталка с телом сестры.

Наконец, появился врач. Тэдди вскочил, потянув Гурьева за собой:

— Доктор?!

— Доктор Хадсон, — начал врач, значительно посмотрев на них и пожав руку сначала мальчику, потом Гурьеву. — Я ничего не могу определённого пока сказать. Это...

Гурьев задержал руку врача в своей:

— Снимки. Когда будут готовы рентгеновские снимки?

И врач, и мальчик, вздрогнув почти одновременно, посмотрели на Гурьева. На его каменное лицо. Врач, высвободив руку, поправил галстук, покрутил шейей, поёжился. Он многое повидал за свою профессиональную жизнь, прошёл войну. Вот только такого голоса ему никогда слышать не доводилось. Такой голос, наверное, мог бы быть у дредноута, если бы дредноут мог говорить, подумал врач. Пушками. Всеми четырьмя башнями сразу.

— Я думаю...

— Не думайте, доктор Хадсон. Просто скажите, когда.

— Через час.

— Если через десять минут я не увижу снимков, доктор Хадсон, вы будете жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, — улыбнулся Гурьев. — И не только вы.

— Я...

— Поторопите техников, сэр.

Доктор кивнул и попятился. И скрылся за дверями, видимо, сочтя за благо не вступать в дискуссию с главным артиллерийским калибром дредноута.

— Джейк...

— Мы её вытащим, Тэдди, — тихо проговорил Гурьев. — Если она... Мы её вытащим, малыш.

И он прижал к себе мальчика так, что сделал ему больно. Но Тэдди даже и не думал жаловаться.

Врач появился даже раньше, чем через десять минут, держа на вытянутой руке ещё мокрые плёнки рентгеновских снимков. Гурьев, отпустив мальчика, буквально вырвал у врача снимки и шагнул к окну. Прилепив плёнки на стекло, он стал пристально вглядываться в них.

— Простите, сэр... вы... вы медик?

Гурьев не удостоил его ответом, продолжая рассматривать изображение. Увидев всё, что хотел, повернулся к врачу и воткнул в него такой взгляд, от которого доктор Хадсон едва не упал:

— Это, — он досадливо поморщился, громко — словно выстрелил — щёлкнул пальцами, вспоминая нужное слово... Вспомнил, кивнул: — Грыжа в верхнем грудном отделе. Сложное боковое смещение. Ещё вопросы?!

— Э-э-э...

— Она в сознании?

— Э-э...

— Хватит блеять, доктор, — Гурьев опять улыбнулся. — Реакции в конечностях?

Я не знаю, кто это, в ужасе подумал врач. Я только знаю, что ни этого человека, ни, тем более, эту улыбку, я не хочу видеть больше никогда в своей жизни, потому что одного раза мне достаточно... Он шумно сглотнул слюну и хрипло сказал:

— Нет. Она без сознания. Графиня непременно придёт в себя через некоторое время, но... Она парализована от груди и...

Тэдди вскрикнул. Гурьев сжал его ладонь и — опять улыбнулся:

— Идём, Тэдди.

— Послушайте...

— Доктор Хадсон, — улыбка Гурьева сделалась такой, что кишечник врача громко и отчётливо взбунтовался против своего хозяина.

Врач отскочил в сторону, а Гурьев, буквально таща за собой мальчика, влетел в коридор.

Они вошли в палату — вдвоём. Рэйчел лежала на спине. Голова её была чуть запрокинута, а глаза сквозь едва приоткрытые веки невидяще глядели в потолок. Мальчик рванулся было к сестре, но Гурьев силой удержал его. И позвал тихо:

— Рэйчел. Ты слышишь меня? Опусть веки два раза, если слышишь.

Ничего не произошло — лицо Рэйчел оставалось неподвижным. Тэдди уткнулся головой в живот Гурьеву и затрясся в беззвучном плаче.

— Тэдди, — сказал Гурьев. — Тэдди.

Мальчик замер.

— Тэдди, — ещё раз повторил Гурьев. — Ты ведь доверяешь мне, правда?

Мальчик кивнул несколько раз, не в силах произнести ни слова.

— Ну, вот. Тогда я справлюсь. Подожди меня в коридоре, ладно? Что бы ни случилось — ничего не бойся. Слышишь?

Мальчик снова кивнул и, с трудом отцепившись от Гурьева, шагнул к двери. Закрыв её за мальчиком, он повернулся к Рэйчел.

Сорвав с себя галстук и расстегнув рубашку, Гурьев снял со своей шеи амулет Пелагеи и склонился над Рэйчел. Если бы его спросили сейчас, что и зачем он делает, Гурьев вряд ли сумел бы дать вразумительный ответ. Он просто совершенно точно знал, что следует делать. Почему — не знал. Камень опять был горячим, почти обжигая его ладонь. Господи, что же это такое?!

Откинув одеяло, он положил амулет на грудь Рэйчел в области солнечного сплетения и накрыл камень ладонью. Полюшка, взмолился он. Господи. Она должна остаться здесь, со мной. Обязана. Никто не смеет отнять её у меня. Рэйчел. Девочка моя, проснись. Пожалуйста.

Гурьев открыл глаза — и встретился взглядом с Рэйчел. Жива, подумал он. Жива. Всё остальное — неважно.

— Рэйчел, — Гурьев выпрямился. — Рэйчел. Ты слышишь меня?

— Это конец, — тихо проговорила Рэйчел, снова устремляя взгляд в потолок. — Всё кончено, Джейк. Я ничего не чувствую. Совсем ничего.

Смерть есть, подумал Гурьев. Конечно, смерть есть. Я знаю. Я это знаю, моя девочка. Но сегодня — не её день.

— Слушай меня внимательно, Рэйчел, — он снова склонился так, чтобы она видела его. — Слушай меня внимательно, девочка моя. У тебя есть один шанс из тысячи. Если ты разрешишь мне, я рискну.

— Что?!

— Я не стану тебе объяснять сейчас. Это неважно, и у нас нет ни одной лишней минуты. Если ты разрешишь мне рискнуть, и у нас получится, — через два месяца ты будешь скакать, как серна. Если нет, — ты умрёшь, Рэйчел. Сразу. Мгновенно.

— А ещё?

— Если мы не рискнём, ты умрёшь через год. Или раньше. Всё это время ты не сможешь двигаться. Даже пальцем на руке не сможешь пошевелить.

— Почему, Джейк?

— Что?

— Почему ты здесь?

— Потому что я люблю тебя, Рэйчел.

— Если получится... Я услышу это снова?

— Да. Услышишь, Рэйчел.

— Можешь теперь убить меня, Джейк, — Гурьев увидел, как дрогнули её губы в улыбке. — Я люблю тебя, Джейк.

Рэйчел показалось, что её бросили в колодец. Только этот колодец тянулся почему-то не вниз, а вверх. Там было очень темно. Наверное, не получилось, подумала она. И открыла глаза. Белый потолок. Солнце.

— Джейк... — она хотела закричать, но вместо крика вышел едва слышный шёпот.

— Я здесь, Рэйчел, — он тяжело дышал, и на лбу его вздулись толстые синие вены и выступили капельки пота. Она никогда не видела его таким. — Я здесь. Я с тобой.

— Я...

— Попробуй пошевелить пальцами на руке. Пожалуйста, Рэйчел.

Она подчинилась. И почувствовала сразу себя всю — и руки, и ноги, — всё тело. Всю себя. Себя! И чуть не закричала от радости. Это было такое острое счастье — снова чувствовать себя всю, что слёзы брызнули у неё из глаз.

— Ну, вот, — он вздохнул. — Получилось. Видишь, моя девочка, как у нас с тобой всё получается.

— Ты обещал.

— Обещал. Я люблю тебя, Рэйчел, — Гурьев опустился перед кроватью на колени и сказал по-русски: — Мне осточертел английский, Рэйчел. Я люблю тебя.

— Здесь и сейчас, Джейк. Да? Я это запомнила.

— Нет, Рэйчел. Нет, моя девочка. Раз и навсегда. Прости меня, Рэйчел.

Она немного повернула голову и посмотрела на него. И вдруг — подняла руку. А он перехватил её в воздухе и прижался губами к ладони. Вот, подумал он. Наконец-то. Я так давно хотел сделать это.

Лондон. Май 1934 г.

Отослав мальчика под надзором Осоргина домой на Мотли-авеню и велел моряку быть при оружии и готовым ко всяким неожиданностям, Гурьев позвал доктора Хадсона. Убедившись, что к врачу вернулась способность соображать и отвечать хотя бы междометиями, он начал отдавать распоряжения:

— Освободите оба смежных помещения и вынесите оттуда всю лишнюю мебель, кроме кушеток. В комнату слева принесите телефон с прямым выходом в городскую сеть и телефон для внутренней связи с персоналом госпиталя. Все ключи, включая дубликаты, отдать мне. Персоналу запретить вход без предварительного уведомления по телефону.

— Но в вестибюле у дежу...

— Молчать. Слушать. Выполнять, — от этого рычания на грани инфразвука у доктора Хадсона в буквальном смысле слова затряслись поджилки. До этого момента истинный смысл выражения — «затряслись поджилки» — был врачу неизвестен, несмотря на богатый клинический и житейский опыт. Доктор Хадсон поспешно закивал и поклялся про себя, что впредь будет крайне осторожен с привычными метафорами.

— Да, сэр. Не беспокойтесь, всё будет... как вы прикажете.

— Чудесно. В следующий раз, прежде чем давать мне советы, сосчитайте про себя хотя бы до трёх, договорились? — почти ласково проворчал Гурьев. — Скажите-ка, в госпитале есть охрана?

— Охрана, сэр?! Простите, я не совсем вас понимаю...

— Ясно. Кто-нибудь ведёт учёт посетителей?

— К-кажется, да... Я не могу ручаться, но...

В самом деле, подумал Гурьев, есть вещи, в которых японцы обогнали своих антиподов-британцев лет на триста. Такой бедлам в Японии просто невозможен. Ладно, реорганизацию и перестройку придётся отложить до лучших времён.

— Что?

— Что-нибудь... ещё не в порядке?

— Это вас, к счастью, совершенно не касается. Надеюсь, и не коснётся.

— Мне кажется, вам... тоже нужно отдохнуть.

— Больше вам ничего не кажется? — вкрадчиво осведомился Гурьев, с мстительным удовольствием наблюдая, как врач скукоживается под его взглядом. Он был готов размолотить этот госпиталь в щебёнку — вместе с персоналом и ни в чём не повинным оборудованием. Поймав себя на этом странном желании, кажется, ровным счётом ничем не обоснованном, Гурьев удивился и почти взял себя в руки, решив проанализировать своё настроение попозже. Похоже, мне и вправду требуется отдых, подумал он с неудовольствием. — Извините, доктор. Вероятно, вы правы.

— Хотите, принесу вам бренди? Или виски? Мне самому необходимо выпить, — робкая улыбка нерешительно прорезалась на лице врача. — Я до сих пор просто не могу поверить...

— На свете много есть такого, дружище доктор. Несите вашу выпивку, — вижу, вам без неё никак не обойтись.

Врач вернулся через несколько минут с бутылкой и двумя стаканами. Наливая себе и Гурьеву, он вздохнул:

— Я был в Мурманске, вместе с десантом, мистер Гур. Вы знаете, где это — Мурманск?

— Да. Знаю.

— Ужасное место. Невозможно представить себе, какой там дьявольский холод и ветер. Русские врачи научили меня пить спирт. Чистый спирт, которым дезинфицируют хирургические инструменты. Представляете? После него я могу выпить пинту виски, не поморщившись, — врач протянул Гурьеву на две трети наполненный стакан. — За скорейшее выздоровление графини. Надеюсь, вы когда-нибудь захотите рассказать мне, как вам удалось сотворить это чудо.

— Если вы доживёте, доктор, — усмехнулся Гурьев и двумя глотками выщедил содержимое своей посуды.

— Что?! — врач закашлялся. — Что вы хотите этим сказать?!

— Кроме меня и юного графа Роуэрика вы единственный, кому на данный момент известно о прогрессе. Если вы проболтаетесь — или каким-либо другим способом допустите утечку сведений о том, что в состоянии миледи наблюдается улучшение, — вы покойник. Вы ведь понимаете, что я не шучу, доктор, не так ли?

— П-понимаю.

— Это радует. А теперь слушайте внимательно. Если сумеете сохранить увиденное втайне на ближайшие полторы-две недели — то потом, когда всё немного утрясётся, я покажу вам пару нехитрых фокусов, которые вас озолотят в самом прямом смысле этого слова. Договорились?

— Не думаю, что у меня есть выбор, — дрожащим голосом посетовал доктор Хадсон, с опаской пожимая протянутую руку того, кто всего за несколько минут сумел перевернуть все его представления о цене жизни и смерти — и как врача, и как человека.

* * *

Гурьев устроился на татами, которые велел доставить из своей студии. Близнецы, придерживаемые ладонью, покоились у него под правой рукой. Нет, Гурьев не спал, — но и не бодрствовал, находясь на границе между сном и явью. Сегодня у меня выдался весёлый денёк, подумал он. Бог ты мой, мне просто необходимо время и немного покоя, чтобы остановиться и всё обдумать. Хорошо, хорошо, — не всё. Многое. Я мчусь, словно белка в колесе, словно кто-то или что-то дышит мне в спину, в то время как нужно просто остановиться. Успокоиться. Что же такое творится со мной?!

Зато Рэйчел спала, дыша при этом спокойно и ровно. Впрочем, расслабляться Гурьев не торопился, хотя от подобной идиллии недолго и размякнуть.

Гурьев чувствовал себя разбитым. Выжатым, словно лимон. Уставшим. На настоящее восстановление требовалось больше сил и времени, чем у него сейчас имелось. Да, он слишком устал. Это была совсем не та нормальная, привычная усталость, хорошо знакомая ему по тренировкам. Да и не удивительно, подумал Гурьев. Я перекачал ей столько сил. Господи. Рэйчел. Утром... Он почти не сомневался в том, что несчастный случай вовсе не был случаем. Прикинув план мероприятий на ближайшие пару дней, пока Рэйчел нельзя трогать с места, Гурьев шевельнулся, устраиваясь и расслабляясь, и прикрыл глаза.

Ночь окончательно вступила в свои права. И когда, казалось, уже ничто не потревожит находящихся в больничной палате до самого утра, Гурьев очнулся, ощутив едва уловимую вибрацию рукояти меча.

Мгновение спустя он был уже на ногах. Темнота в комнате не мешала ему видеть. Близнецы привычно и надёжно сомкнулись с руками, сделавшись их продолжением. Гурьев ждал.

То, что заставило его изготолвиться к бою, находилось в северном углу помещения. Гурьев видел это как столб живого, аспидно-чёрного, жидкого пламени, плотного, прорезаемого ещё более чёрными, даже на фоне собственной черноты столба, сполохами, щетинящееся протуберанцами тьмы. Страх не было. Наверное, Учитель Накадзима прав, подумал Гурьев, и с воображением у меня туговато. Иначе это выглядело бы по-другому. Но я же не верю во всю эту дребедень! Или — всё-таки верю?!

— Я пришёл за своим, — тусклый, ничего не выражающий голос заполнил собой, кажется, всё пространство мозга, дробясь в закоулках сознания множественным эхом, перекатываясь и растекаясь. — Отдай мне моё.

Это же чертовщина, подумал Гурьев. Этого просто не может быть. Со мной — точно. Вот совершенно. Однако он не спал — в этом не было ни малейших сомнений. Рассуждать было некогда. Время рассуждений наступит позже. А сейчас — бой. Что ж, решил он. Попробуй взять.

Щупалец рванулся в сторону кровати, на которой лежала Рэйчел. Гурьев, впрочем, оказался быстрее, «осенним листом» поведя Близнецов. Гурьеву показалось странным, что сам «столб» не двинулся с места, словно не рискуя приближаться к нему. Протуберанец, рассечённый клинками, растаял, а обрубок мгновенно втянулся в столб.

— Твоё железо, — голос в голове теперь звенел от ярости, изумления, — и от страха. Гурьев ощущал этот страх, его душевные волны. — Больно.

— Это не железо, — чётко подумал Гурьев в ответ, продолжая «рассматривать» незваного гостя. Я должен, кажется, испугаться? Нет. Я слишком устал. К тому же, как сказано, у меня чертовски плохо с воображением. Он и в самом деле не чувствовал ничего, кроме раздражения. — Это Близнецы. Исчезни.

Убирайся, подумал Гурьев. Здесь нет ничего твоего. Тот, кто вызвал тебя, не умеет видеть, потому что не увидел меня. Это мой мир, и здесь тебе не место. Тебе — и таким, как ты.

— Ты знаешь, кто Я?

Странно, подумал Гурьев. Оно явно думает о себе как о чём-то — или ком-то — значительном. Ишь, как, — «Я» с прописной буквы. Не много ли чести для нежити?

— Мне всё равно. И почему меня должно это интересовать?! — ничуть не притворяясь, удивился Гурьев, ощущая явную, но ничуть не мешающую ему вибрацию рукоятей. — Меня интересует только одно. Умеешь ли ты подышать, нежить.

— Я сущий. Ты, человек, ничего не знаешь.

— Да?! — Гурьеву сделалось весело. Он понял уже, что «гость», не ожидавший даже сопротивления — не говоря уж об организованном вооружённом отпоре — не просто боится. Он боится Пустоты. Отлично. — Ну-ну.

Близнецы снова чуть заметно дрогнули, словно живые, словно умоляя Гурьева разрешить им ринуться в бой. И это тоже было странно. Впрочем, о таких мелочах сейчас как-то не думалось. Сознание просто регистрировало эти странности, хотя их было, безусловно, слишком много для одного раза.

— Ты не похож на Замыкающего Врата, — снова раздался голос.

— Я ни на кого не похож, — усмехнулся Гурьев. — И меня это радует.

— Кто ты? Назови своё имя!

— Имя тебе?! Сейчас.

И Гурьев отпустил Близнецов в долгожданный полёт. Тело следовало за мечем — мечами, — повинуюсь собственной памяти.

Жуткий визг, — нет, это нельзя было назвать визгом, это был не звук, а как будто нота, звучащая прямо в мозгу, настолько чужая, что поневоле морозная волна прокатилась по коже, — этот незвук взвился, метнулся загнанным зверем и прекратился. Ключья чёрного «пламени», явственно различимые во тьме, растаяли — кажется, даже без следа. Хищно и довольно клацнув замком, сомкнулись рукояти Близнецов. И только теперь Гурьев разрешил себе перевести дух.

— Однако, — проворчал он, задумчиво проводя по подбородку тыльной стороной ладони. — Хотел бы я знать, что это такое и откуда взялось?!

У него не было и тени сомнения в том, что происшедшее только что — реально. Уж в этом-то он худо-бедно научился разбираться. Несмотря на всю науку, материалистическая «закваска» Гурьева сопротивлялась очевидному с отчаянием, достойным лучшего применения. С этим следовало разобраться как можно скорее. И принять меры. Больше всего Гурьева взбесило то, что намеченный план действий отправился — это было ясно — псу под хвост. Потому что теперь он не мог оставить Рэйчел одну в буквальном смысле слова ни на секунду.

Рэйчел шевельнулась. Гурьев стремительно шагнул к кровати, склонился над нею:

— Что, моя девочка?

— Ты... здесь? — чуть заметная улыбка тронула губы Рэйчел.

— Конечно.

— Что это было?

— Не знаю, — спокойно ответил Гурьев. — Его больше нет.

Он не стал уточнять, что почувствовала Рэйчел. Что-то почувствовала, — и этого достаточно. Пока — достаточно. Слава Богу, что она ничего не видела, — в этом Гурьев был совершенно уверен. Он повернул реостат электрического выключателя и принялся за тщательный осмотр комнаты. И ничего не нашёл. Ничего материального. Потом внимательно осмотрел клинки. Никаких следов. Ничего. Хотел бы я знать, что это такое и куда делось, снова подумал он с тревогой. Вряд ли это можно просто убить. Или можно? Чертовщина.

Гурьев ещё раз обвёл взглядом помещение. И, мысленно повторив про себя несколько многоэтажных пассажей из лексикона атамана Шлыкова, посмотрел на участок стены над изголовьем кровати Рэйчел, где вечером висело простое англиканское распятие. Опять проведя рукой по подбородку, чуть приподнял уголки губ в грустной усмешке. Рэйчел с беспокойством следила за его движениями. Потом проговорила тихо, почти шёпотом:

— Отец Даниил... Пожалуйста, Джейк, позови его.

Гурьев хмуро смотрел на Рэйчел несколько секунд, потом буркнул:

— Всенепременно. Лет через семьдесят. И только попробуй заикнуться об этом снова.

— Глупый, — Рэйчел шевельнула рукой и улыбнулась. — Джейк... Пожалуйста. Я... мне нужно поговорить с ним. И тебе. Тебе — даже больше.

— Кто это?

— Священник.

— Это ясно.

— Мама... Мамин духовник. Он изумительный человек. Вы подружитесь.

— Бред, — Гурьев сел на стул у самой кровати, оперся ладонями на рукоять меча. — Бред. Полный бред, моя девочка. Ему хотя бы можно доверять?

— Можешь доверять ему, как мне или самому себе.

— Хорошо. Утром. Спи.

— Не туши свет.

— Не буду.

— Спасибо.

— Что?!

— Только не говори, что не понимаешь.

Гурьев подавил вздох, чуть заметно двинув нижней челюстью:

— Спи, моя девочка. Спи, набирайся сил. Они тебе понадобятся.

— Слушаюсь и повинуюсь, милорд Серебряный Рыцарь.

— Вот и умница. Давай, я помогу тебе.

Убедившись, что Рэйчел спит, Гурьев принялся за куда более тщательный осмотр комнаты. На этот раз его поиски увенчались успехом — под кроватью обнаружилось большое, около фута в диаметре, пятно мелкой, как пудра, жирной антрацитового пыли. Выпрямившись, Гурьев вышел к телефону и вызвал сестру милосердия.

— Чем могу быть полезна, сэр?

— Принесите мне несколько листов плотной бумаги, новую или почти новую щётку для обуви, желательно густую.

— С-с-сэр...

— И постарайтесь не раздражать меня без крайней на то необходимости, мисс. Это в ваших же интересах.

Сестра выпрыгнула за дверь и меньше чем через четверть часа возвратилась со всем необходимым. Ещё через десять минут Гурьев набрал номер особняка на Мотли-авеню и приказал позвать Осоргина:

— Простите за ранний звонок, Вадим Викентьевич. Приезжайте в госпиталь так скоро, как только сможете.

— Что слу... виноват, — моряк прокашлялся. — Буду через сорок минут, Яков Кириллович.

— Благодарю вас. Жду.

Повесив трубку, Гурьев занялся сбором подозрительной пыли. На вкус это был обыкновенный древесный уголь. Ничего сверхъестественного. Вот совершенно.

К тому моменту, как моряка провели к нему, Гурьев успел всё подготовить.

— Отвезите это в японское посольство вместе с письмом и дождитесь ответа, — он протянул кавторангу два бумажных пакета. — Надеюсь, Иосида оставил необходимые распоряжения. Либо вас примут немедленно, либо не примут вообще. Сначала отдадите письмо и только после того, как вас пригласят в здание, — второй пакет. Исполнение доложите по телефону. После этого отправляйтесь за отцом Даниилом — он наверняка будет сам вести утреннюю службу — и возвращайтесь вместе с ним сюда. Вы знаете, где эта церковь находится?

— Конечно, — кивнул кавторанг. — Может быть, мне всё-таки следует узнать, что случилось?

— А что-то заметно?

— Заметно, — сердито буркнул моряк, отводя взгляд.

— Ничего, о чём вам следовало бы беспокоиться, Вадим Викентьевич. Пожалуйста, возвращайтесь вместе с батюшкой так быстро, как только это возможно. Чем бы он там не был занят.

— Что мне ему сказать, Яков Кириллыч?

— Увольте, — голос Гурьева оставался спокойным, и только по налившимся ртутным серебром глазам можно было понять, что он едва сдерживает соблазн начать крушить всё подряд в мелкую капусту. — Увольте, Вадим Викентьевич. Сделайте одолжение, проявите инициативу.

— Слушаюсь, — кавторанг щёлкнул каблуками и развернулся.

Гурьев мысленно обругал себя фараоном и скалозубом и клятвенно пообещал перед моряком извиниться. Когда-нибудь. Потом.

Прошло около четырёх невероятно длинных часов, прежде чем запущенный Гурьевым маховик начал раскручиваться. С мрачным удовлетворением Гурьев убедился, что не ошибся в оценке японского дипломата — звонок от Осоргина прозвучал на рассвете:

— Меня уверили, что вашим вопросом уже занимаются специалисты. По их словам, этого должно быть для вас достаточно. Это на самом деле так?

— Да, Вадим Викентьевич. Кто вас принимал?

— Военный атташе. Ка... проклятье, не запомню никак.

— Гинтаро Кагомацу. Да, всё в порядке.

— Он просит... кхм... сообщить ему, где вы находитесь.

— Сообщите. И можете ехать к священнику.

— Слушаюсь.

— Ну, перестаньте же, — рявкнул Гурьев. — Я не боцман, а вы не матрос-первогодок!

— Служба, однако, Яков Кириллович, — мягко возразил кавторанг. — Вы привыкайте, дело нужное.

— Ладно, — Гурьев усмехнулся, покачал головой. — Жду вас. До скорого.

Первым в госпитале появился, впрочем, не Осоргин, а полковник Кагомацу. Атташе приветствовал Гурьева низким поклоном и ещё более низким рычанием — было видно, что его так и распирает от оказанной чести лично — ввиду отсутствия Иосиды — исполнять поручения императора в отношении странного гайкокудзина*² с серебряными, как зеркало Аматаерасу, глазами.

— Вот результаты химического и хроматографического анализа, Гуро-сама, — полковник обеими руками протянул Гурьеву запечатанный сургучом конверт. — К сожалению, мы не сумели найти в присланных вами образцах ничего необычного, прошу извинить нас. Это обыкновенная сажа с очень небольшой примесью железной окарины и следов органики бензольной группы. Более детальный анализ будет готов не ранее завтрашнего утра. Единственное, что можно назвать странным — это размеры частиц. Они очень, очень мелкие.

— Собственно, ничего другого я и не ожидал, — Гурьев вздохнул. — Что ж. Отрицательный результат — как известно, тоже результат.

— Чем я могу быть вам ещё полезен, Гуро-сама?

— Попросите ваших офицеров отследить все публикации в прессе, касающиеся происшествия с графиней Дэйнборо, и сообщите мне курьером.

— Будет немедленно исполнено, Гуро-сама, — поклонился атташе. — Отчёт на английском или на японском?

— На английском. Возможно, я решу обратиться в полицию, хотя не уверен в этом.

— Если всё-таки решите сделать это, покорнейше прошу позволить мне задействовать мои связи в Скотланд-Ярде, Гуро-сама. Я приложу все мыслимые усилия, если вы окажете мне честь помогать вам, хотя, разумеется, я недостоин даже просить вас о такой милости. Быть вашим верным и преданным слугой — это счастье для меня, которое я не в состоянии выразить словами.

— Благодарю вас за столь высокое доверие, Кагомацу-сан, — поклонился Гурьев. — Я польщён и растроган вашими искренними и сердечными словами. Мы будем находиться на связи постоянно, и я непременно извещу вас о своих решениях. Благодарю вас за то, что вы сочли возможным лично прибыть сюда и поддержать меня.

Отбывшего атташе сменил Осоргин, доставивший священника. Гурьев вышел навстречу, прикрыл за собой дверь в палату. Осоргин, кивнув, вернулся в главный коридор, и Гурьев остался с батюшкой с глазу на глаз. Отец Даниил, не скрывая пристального интереса, оттеняемого мелькающей в его взгляде тревогой, рассматривал Гурьева:

— Вот вы какой.

— И какой же?

— Возможно, именно такой, какой нужно, — на лице священника промелькнула улыбка, собрав гусиные лапки морщинок в уголках глаз. И снова тревога вуалью опустилась на его лицо: — Это очень серьёзно?

— Серьёзно, — кивнул Гурьев. — Это серьёзнее, чем я думал, и мне это страсть как не нравится, отче. Что вам известно?

— Вадим Викентьевич доложил мне события во всех доступных ему подробностях. У меня сложилось впечатление, что он не верит, будто это несчастный случай.

— Это не случай. Я пока ничего не могу доказать, но это так.

---

² Гайкокудзин (японск.) — «человек из другой страны», вежливое название всех не-японцев.

— Господи Боже мой, — священник перекрестился. — Неужели...

— Погодите, — Гурьев усмехнулся. — Это ещё не всё. Не пугайте её пока. Я сам ей всё скажу, но чуть позже. А вы, отче... Смотрите. Если почувствуете что-то неладное, поделитесь со мной. Это важно.

— Что-то ещё... случилось?

— Идёмте, — Гурьев, по своей извечной привычке, впрочем, ещё не знакомой отцу Даниилу, словно не услышал вопроса.

Они вошли в палату. Священник присел на стул у изголовья Рэйчел, а Гурьев опустился на стул напротив, так и не выпустив меч из рук.

— Дитя моё...

— Мне уже лучше, батюшка. Правда-правда, — Рэйчел указала на Гурьева подбородком. — Вы уже познакомились, я вижу.

— Конечно, дитя. Конечно, — голос отца Даниила дрогнул. — Я принёс тебе кое-что.

Он вложил в пальцы Рэйчел небольшой образец и только после того, как она благодарно пожала его руку, с удивлением воззрился на Гурьева — до него только в эту секунду дошло, что Рэйчел может двигаться:

— Но... Вадим Викентьевич сказал, что...

— Это службишка, не служба, отче. К сожалению, на этом наши неприятности отнюдь не заканчиваются, а, похоже, только начинаются.

— Джейк... Правда же, он совершенно несносен, батюшка?

— Может, потом?

— Дети мои... Пожалуйста... Что произошло?

— Здесь был дьявол, батюшка, — Рэйчел пыталась отважно улыбаться, но у неё плохо получалось. — Он приходил за мной, а Джейк... Джейк его... выгнал.

Священник в ужасе посмотрел на Гурьева, потом на Рэйчел, и покачал головой:

— Рэйчел... Дитя моё!

— Я чувствовала его дыхание, батюшка. И я не сошла с ума. Во всяком случае, не сегодня.

— Это был не дьявол, — хмуро бросил Гурьев. — Дьявола нет, моя девочка. А со всеми остальными мы справимся. Уж как-нибудь.

— Яков... Кириллович, — голос священника был преувеличенно спокоен. — Может быть, вы всё-таки объяснитесь?

— Дурацкая привычка — отвечать вопросом на вопрос. Вы ничего не чувствуете, отче?

— Нет, — некоторое время подумав, отрицательно качнул головой отец Даниил. — Что произошло?

— Где-то около двух пополудни, — Гурьев сцепил пальцы, охватив ими рукоять меча. — Вон там, — он указал подбородком в угол, — появилась, — гм, — некая субстанция.

Когда Гурьев закончил короткий сухой отчёт о событиях, на лице отца Даниила отразилась такая степень недоумения, что Гурьеву сделалось даже его жалко. Он с самого начала был уверен, что толку от священника будет мало — в деле выяснения того, с чем ему довелось столкнуться. Когда он замолчал, Рэйчел отважилась пошутить:

— Джейк — ужасный зануда, батюшка. Сам дьявол лопнул от изумления, столкнувшись с таким невероятным отсутствием какого-нибудь намёка даже на слабую тень фантазии.

Священник перевёл растерянный взгляд с Рэйчел на Гурьева:

— Так... что же вы сделали?

Гурьев вздохнул, поднял меч и отщёлкнул фиксатор. Клинки подались в стороны на пару дюймов. Отец Даниил побледнел и облизал губы:

— Как? — тихо спросил священник.

— Вот так.

— Могу я... взглянуть?

— Только в моих руках, отче. Есть определённые правила. Извините.

— Конечно, сын мой. Конечно.

Гурьев почти полностью обнажил клинки. Отец Даниил долго, пристально разглядывал поверхность металла. Наконец, он выпрямился:

— Я плохо разбираюсь в оружии, Яков Кириллович. Это булат?

— Это метеоритное железо, хотя и весьма странного, если не сказать больше, химического состава. А по способу обработки — да, вы правы, это действительно булат, — Гурьев сложил мечи. — С примесью серебра, молибдена, ванадия, бериллия, урана и Бог знает чего ещё. Для того,

чтобы совладать с этим сплавом, мне пришлось здорово повозиться. Но, как выясняется, дело того стоило.

— Вы только посмотрите на него, батюшка, — вздохнула Рэйчел. — Это был... Я не знаю, кто это был. Но... Если бы не Джейк...

— Я сказал, хватит.

— Это всё, Яков Кириллович?

— Не совсем, — Гурьев наклонил голову к левому плечу. — Но об этом мы поговорим с вами с глазу на глаз, отче. А Рэйчел пока отдохнёт. Правда, девочка?

— Джейк...

— Хватит, Рэйчел. В самом деле, хватит. Пожалуйста. Я знаю, я герой. Но это не должно беспокоить тебя слишком сильно. По-моему, за последние несколько часов тебе следовало уже привыкнуть к этой мысли настолько, чтобы начать подшучивать над моими жалкими попытками изображать экзорциста, — в твоей обычной манере. Особенно если ты хочешь убедить нас в том, что собираешься выздороветь.

— Разве я не пытаюсь? Ты несправедлив ко мне, — Рэйчел опустила веки. — Хорошо, я посплю, раз уж я до такой степени тебе надоела.

— Когда поправишься, напомни мне, что в присутствии священника я клятвенно пообещал отшлёпать тебя как следует.

— Ещё чего не хватало. Кстати, не знала, что у тебя случается выпадение памяти. Как мило с твоей стороны проинформировать меня об этом.

Отец Даниил покачал головой и улыбнулся:

— Похоже, ты в самом деле не собираешься долго залёживаться, дитя моё. Вряд ли я мог надеяться на лучшие новости.

— Да, батюшка, вам ведь известно, что я опытная симулянтка.

— Спать, я сказал, — рявкнул Гурьев, никого не надеясь напугать. Так и вышло — Рэйчел скептически хмыкнула, но покорно взмахнула ресницами, закрывая глаза. Всё же она была ещё очень слаба, и события прошедшей ночи, а потом — разговор, утомили её.

— Сюда, отче, — Гурьев указал священнику дорогу и, пропустив его вперёд, неплотно притворил дверь.

— Рассказывайте, Яков Кириллович. Я... готов.

— Не уверен.

Гурьев обрисовал судьбу дежурного распятия и добавил, скривившись, будто от зубной боли:

— Должен заметить, отче: Близнецы — вовсе не фантастический гиперболоид инженера Гарина. Поэтому я не понимаю, каким образом деревянный крест превратился в то, во что превратился, — Гурьев протянул священнику справку японского атташе. — Можете вы хоть что-нибудь сказать по этому поводу?

— Я не химик, хотя и окончил реальное училище, — священник вздохнул, возвращая Гурьеву бумагу. — То, что всё происходящее более чем странно, вы прекрасно знаете и без меня. По-моему, мы имеем дело с каким-то колдовством — ничего другого мне пока не приходит в голову, хотя я понимаю, что не оправдал ваших надежд.

— Верно, не оправдали, — Гурьев не собирался никого жалеть, по крайней мере сегодня. — Вот совершенно. Вам приходилось слышать о духах тьмы, которые прячутся в распятиях?

— Демонам всё равно, где прятаться, Яков Кириллович, — снова вздохнул отец Даниил. — Если бы демоны устрасались крестов или икон, всё было бы куда проще. Всё дело в вере, а не в дереве и металле.

— Догадываюсь, — проворчал Гурьев. — Демоны, значит?

— Колдовство, — мягко поправил его священник. — Возможно, при помощи заклинаний и демонов. Должен заметить, я никогда не сталкивался прежде ни с чем подобным в своей пастырской практике.

— Всё когда-нибудь происходит впервые, — философски заметил Гурьев. — Давайте подумаем, как мы можем от всего этого дерьма защититься.

— Я понимаю, как вы взволнованы и расстроены, сын мой, — покачал головой священник. — Боюсь, однако, что сквернословие нам с вами вовсе не помощник.

— Наверное, вы правы, отче. Простите, — покаянно вздохнул Гурьев. — Впрочем, у меня в подчинении находятся офицеры армии и флота, так что будьте уверены — вам ещё и не такое предстоит, скорее всего, услышать. Так что — вы мне поможете?

— Всем, что в моих силах, — кивнул отец Даниил.

— Отлично. Я хочу понять — с вашей помощью или без неё — следующие вещи. Первое. Почему сейчас? Раньше никогда не появлялось в моём поле зрения ничего похожего. Второе. Почему Рэйчел? Третье. Какие меры я могу принять к тому, чтобы не находиться возле её ложа неотлучно? У меня такое чувство, что если мы не будем действовать активно, нам придётся отбиваться от этой нечисти отнюдь не только ночью. Не согласитесь побыть с Рэйчел некоторое время? Потому что у меня накопилась чё... невероятная прорва дел, которые надо переделать одновременно и срочно.

— Вы подозреваете каких-то людей? Считаете, что кто-то из её знакомых может быть замешан в таком ужасном преступлении?

— Отчего же нет. Известно, что преступления — обыкновенно дело рук добрых знакомых, а то и родственников, — усмешка Гурьева не понравилась священнику, но отец Даниил, видимо, счёл за благо пока промолчать. — Не знаю. Но узнаю.

— И что тогда?

— А как вы думаете?

— Вы готовы убивать, — священник вздохнул и укоризненно посмотрел на Гурьева. — Разве так можно, Яков Кириллович? Разве можно одолеть демонов железом? Пост и молитва. Слово Божие. Вера.

— Великолепно, отче, — просиял Гурьев. — Вот этим вы и займётесь. А я — уж как привык.

— Вижу, вам приходилось это делать прежде, — снова вздохнул священник. — Вы ведь так ещё молоды, Боже мой!

— Ну, приходилось, — пожал плечами Гурьев. Он хотел добавить — не только людей, но сдержал колкость, готовую сорваться с языка. Во всяком случае, священник никак не виноват в том, что творится вокруг Рэйчел. — Побудьте с ней, хорошо? Мне нужно... восстановиться.

— Вот вам и ответ, — быстро сказал священник. — Вы ослабели, и они... воспользовались этим.

Гурьев впервые посмотрел на отца Даниила с интересом:

— Это... Да. Похоже. Очень возможно. Я действительно... Выложил. Вот так, да? Заба-а-авно.

— Вы находите всё это забавным?!

— Ещё как нахожу, — Гурьев оскалился. — Безусловно нахожу, отче. Потому что несколько месяцев полусветской жизни вымотали меня до чё... До полной потери ориентации во времени и пространстве. А воевать — с людьми или нелюдью — это и есть то единственное, что может вернуть мне равновесие. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Идёмте.

Проводив священника, Гурьев сел у кровати и взял Рэйчел за руку.

— Ничего не бойся, моя девочка. Слышишь?

— Слышу. Не смотри на меня так. Я выгляжу просто чудовишно.

— Ты моя тёпа-растрёпа, — Гурьев погладил её по волосам. — Не надо плакать, — он улыбнулся, увидев, как слёзы оставляют мокрые дорожки на щеках Рэйчел. — Не нужно, всё в порядке. Спи. Спи, моя девочка. Сон — это здоровье. А мы тут. Рядышком.

— Джейк... Я никогда... Никогда не забуду... Слышишь?! Никогда.

— Что ты, девочка моя, — ласково сказал Гурьев, так, как если бы действительно разговаривал с ребёнком. Он дотронулся пальцем — очень нежно — сначала до кончика её носа, а потом наклонился и стремительно поцеловал Рэйчел в уголок рта, и она вздрогнула, будто застигнутая электрическим разрядом. — Что же ты такое говоришь, Рэйчел. Есть тьма и есть свет, и всему своё время и место. А я — я просто стою вот здесь, и стерегу границу со стороны света. И если тьма пытается сюда дотянуться, я отрубая ей пальцы. Больше — ничего.

— Я тебя люблю, Джейк. Неужели?..

— Спи, Рэйчел. Спи.

— А ты?

— Я подожду, пока вернётся твой батюшка, а потом пойду и прочитаю сказки о нечистой силе. Вообще-то в детстве я зевал над ними так, что каждый раз опасался вывихнуть челюсть.

— Джейк. На самом деле, мне не до смеха. И у отца Даниила было такое лицо...

— Лицо, лицо, — передразнил её Гурьев. — Лучше подумай о том, как объяснить Тэдди, что тут творится. А ещё лучше — возьми-ка и всё-таки поспи. Это будет твой самый ценный вклад в общее дело.

— Ты вообще способен относиться к чему-нибудь серьёзно?

— А зачем?! — изумился Гурьев так искренне, что Рэйчел не выдержала и улыбнулась.

* * *

На третий день, перед тем, как увезти Рэйчел из госпиталя, Гурьев собрал у её постели «военный совет», куда были приглашены отец Даниил и Осоргин.

— Как я уже говорил, мы продолжаем изо всех сил изображать похоронную контору.

— Думаю, мы уже достаточно усыпили их бдительность. По-моему, пора заставить их проявить себя!

— Ошибаетесь, Вадим Викентьевич. Мы совершенно не готовы действовать, если «они» действительно вздумают себя проявить. Круглосуточной охраны нет, эффективно обезопасить и контролировать периметр мы не в состоянии, госпиталь не зачищен, дом на Мотли-авеню — тоже. Более или менее я доверяю Джарвису и Перси, садовнику, остальных просто плохо знаю — даже не предполагал, что всё может повернуться в таком вот направлении. Вы хоть понимаете, о чём я?

— Э-э-э...

— Вот видите. Подождём — скоро должен вернуться Иосида, надеюсь, он, как ему и велено, привезёт первый, самый необходимый персонал для организации сносной охраны.

— Яков Кириллович... Есть ли в этом такая уж настоятельная необходимость?

— Без всякого сомнения, отче. Отчёт о сообщениях в газетах, касающихся происшествия с Рэйчел, который я получил от Кагомацу, не оставляет у меня никаких сомнений — это постановка.

— Вот так... И как это выяснилось?!

— Текстуальный анализ, расчёт времени — всё это выглядит так, что информация была выброшена газетчикам специально и в определённом ключе. И это довольно странно.

— Насколько странно?

— Настолько, что напоминает отчёт о выполнении поручения и справку о потраченных средствах. Я понимаю, что для вас, отче, как и для Вадима Викентьевича, всё это звучит несколько неожиданно.

— Для меня тоже, — заметила Рэйчел.

— Ну, это я готов потерпеть.

— Ни минуты не сомневалась!

— У вас, дамы и господа, весьма неглубокие представления о настоящей охране важных персон. А вот в Японии эта наука достигла высочайшего совершенства за последние полтысячелетия. Я тоже знаю далеко не всё, именно поэтому Иосида был озадачен необходимостью подобрать высококвалифицированных специалистов.

— Вы думаете, чёрта можно остановить караулом?! — пробурчал кавторанг.

— Насколько я усвоил из прочитанного, любому чёрту необходим либо живой, либо материальный носитель, который доставит его как можно ближе к цели. Похоже, ножки у них самих коротенькие и слабенькие.

— Господи Иисусе, что ж вы такое там прочли, — покачал головой священник.

— Полное собрание глупостей, дикостей и суеверий, — скривился Гурьев. — Ничего серьёзного, к сожалению.

— Так всё-таки я был прав, — священник, кажется, неосознанно дотронулся до серебряного наперсного креста.

— В каком-то смысле — конечно, вы правы, отче. И я тоже прав, и тоже в каком-то смысле. Разумеется, не верю я ни в каких чертей, богов, ангелов и прочую дребедень.

— Отчего же? — спокойно спросил священник.

— Оттого, что я сам неплохо сыграл роль бога и продолжаю это делать, — усмехнулся Гурьев. — Наш дорогой Сигэру-сама, например, как и, надеюсь, император Хирохито, на полном серьёзе считают меня аватарой бога войны и покровителя кузнецов-мечников, Хатимана. И не только эти двое.

— Кем... считают?! — на Осоргина было жалко смотреть.

— Воплощением одного из синтоистских ложнобожеств, — пояснил священник. Взгляд, которым он наградил при этом Гурьева, заставил того поёжиться. — Во-первых, это полнейшее безобразие, Яков Кириллович. Во-вторых, хотя я и понимаю, что вы сейчас озабочены исключительно тактическими соображениями, мой долг предупредить вас, что вы играете с огнём. Колдовство суть мерзость, и во благо не идёт никому, особенно — человеку, это самое колдовство употребляющему.

— Да Бог с вами, отче, какое там ещё колдовство, — Гурьев подавил смешок. — Никогда не пытался и не буду. Я просто кнопки знаю — как, куда и с каким усилием нажимать.

— А это не колдовство разве?

— Это чистая психология, замешанная на махровом фрейдизме, отче. И ничего больше. Сплошной материализм и, так сказать, эмпириокритицизм.

— Наглотались-таки коммунистической отравы, успели, несмотря на молодость, — хмыкнул Осоргин. — Эх, Яков Кириллович... Знаю я, что в Бога не веруете, но отрицать-то — мыслимое ли дело?

— Да ничего я не отрицаю, — поморщился Гурьев. — Бог? Да сколько угодно. Можем сплясать от этой печки, если хотите. Всё равно в материализм упрусь, чистый, незамутнённый и первозданный. Потому что Бог, даже если и сотворил всё сущее, сделал этот мир до ужаса материальным. И чудеса в нём настолько редки и недоказуемы, что ими — на фоне сугубо материального взаимодействия между всеми видами материи — можно смело пренебречь. В конце концов, наверняка это удобно — когда всё работает по определённым правилам, не нуждаясь в мелочном и ежесекундном контроле и вмешательстве. Честное слово, будь я Богом — я бы именно так и поступил. Это логично, рационально и так далее. Пускай материя вторична — но законы для неё существуют и действуют, что мы с вами прекрасно видим, осязаем и чувствуем. Я вас не утомил своими философствованиями?

— Ничего, ничего, мы вас слушаем, Яков Кириллович. Даже интересно.

— Хоть и не ко времени... Ладно. Продолжу. Не могу допустить, что вы, отче, верите, например, в сонмы ангелов, поющих гимны Господу. Не может же он, премудрый и всеблагий, быть таким тщеславным... гм... Я, признаться, дифирамбы в свой адрес пресекаю в зародыше, какими бы справедливыми или заслуженными они не были. Мешает, знаете ли, сосредоточиться.

— Ваши антропоморфные аналогии весьма остроумны, однако вряд ли соответствуют истинному положению вещей, — улыбнулся священник. — Несомненно, все упомянутые вами описания духовного мира такое же, если не большее, очеловечивание и уподобление, однако...

— Погодите минутку, отче. Меня сейчас мало занимает толпа певчих с крылышками. Меня гораздо больше интересуют бунтовщики. Понимаете, о чём я?

— Кажется, да, — прищурился священник.

— Поверьте мне, отче. Если некоторая группа лиц мешает осуществлению моих планов и пытается разрушить систему, над которой я работаю, я этих лиц не стану терпеть ни одной лишней минуты. А если у меня в подразделении появились бунтовщики... Да будь я трижды всеблаг и семижды всемилостив, того, кто отказывается выполнить приказ, я просто расстреляю перед строем, отче. А не отпущу гулять у себя в тылах. Вот такое дело.

— Опять уподобление, — отец Даниил пожал плечами. — И что же?

— Апофатическое доказательство, вот что. Нету ангелов — нету чертей. Нету чертей — нету ангелов. А то, что я видел... Все эти так называемые «духовные сущности» — просто некий вид материи, не изученный как следует прежде всего потому, что нет приборов, регистрирующих наличие этих самых сущностей. Скажите мне, отче, — Гурьев посмотрел на священника, — можете быстро назвать, с какой частотой соотносится проявление «духовных сущностей» в виде всякой дряни и нечисти таковому же в облике добра и света? Тысяча к одному? Десять тысяч?

— Что вы хотите этим сказать?! — вскинул голову отец Даниил.

— Хочу сказать следующее, отче. В этом мире материально абсолютно всё — и наши тела, и наши дела, и наши мысли. Насчёт «того» мира — не знаю, до сих пор никто оттуда не возвращался. Появится такой... Эфирный путешественник — появится и тема для разговора. А пока что... За неимением гербовой — пишем, как говорится, на простой. Помнится, ещё в Моисеевом Пятикнижии содержатся шесть законов для всех людей, кои, как известно, потомки Ноя, именем которого эти самые законы и названы. Результат, так сказать, коллективного опыта поколений в виде исчерпывающего руководства по совместному проживанию и выживанию. Давайте предположим, что эти законы установил Бог и выдал их Ною со потомки для неукоснительного исполнения. Я думаю, когда люди эти законы начинают нарушать, происходит нечто, подобное извержению вулкана. Вулкана эмоций. И... эманаций.

— И?

— Всё больше и больше, отче. Всё больше и больше людей. Всё больше и больше нарушений. Начиная с Каина — и до наших дней. До Ленина с Троцким и Сталиным. Ну, и знаменитый марксистский закон перехода количества в качество.

— Джейк... Что ты хочешь сказать?!

— Да ничего нового, — Гурьев развернулся к Рэйчел. — Ничего нового, и батюшка, судя по задумчивому выражению его лица, не так уж и далёк от того, чтобы со мной согласиться. Мы сами плодим чертей, Рэйчел. Мы сами во всём виноваты. Эти твари — наши преступления, наша ложь,

наши лжесвидетельства, наши убийства. Для Бога, всеблагого и личностного, пасущего нас и любящего вопреки и несмотря, в этой модели места, конечно же, нет. Зато есть место тому, что я видел. И не только ему одному. Просто количество стало качеством. Есть же, в конце концов, хищники-людоеды. Вот и это... Такое же.

— Не мясом же они питаются, Яков Кириллович, — с сомнением проговорил Осоргин. — Душами разве? Господи, спаси и помилуй...

— Ну, видите, — Гурьев наклонил голову к левому плечу. — Вывод сам собою напрашивается. Во всяком случае, гипотеза непротиворечива. По-моему.

— Здорово же я, наверное, нагрешила, Джейк, — как обычно, Рэйчел нашла очередной повод для шуток. — Представляю, какой аппетит у нашего гостя проснулся!

— А вот тут ты ошибаешься, Рэйчел. Думаю, всё с точностью до наоборот.

— То есть?!

— Это к знаменитому вопросу о воздаянии, отче. Почему злодею хорошо, а праведнику плохо? Потому, что праведник гораздо вкуснее злодея, да и злодея слопаешь — в чём или в ком сидеть тогда, кого за ниточки дёргать? Подумайте хорошенько, друзья мои. Если не выходить за рамки представлений о разрушительных последствиях нарушений законов... Тех самых, божеских? Там, где у нормального человека — совесть, у злодея — чёрт. Понимаете, о чём я? Замещение с вытеснением. Выел дырку — и влез. За что зацепился? А за что и всякая прочая зараза цепляется. И не надо никаких вельзевулов-люциферов. Лишнее это.

— Эка у вас всё гладко выходит, Яков Кириллович. Что же, по-вашему, всякое злодейство — болезнь?

— Несомненно, — подал голос священник. — Истинно так, Вадим Викентьевич. Болезнь, повреждение духовное. Разве что без Бога, действительно, неуютно в вашем мире, Яков Кириллович.

— Ну, я-то, можно сказать, неплохо себя чувствую, — Гурьев покачал ногой. — Вполне ничего себе, поскольку готов к Его отсутствию. А вам, отче, и всем прочим верующим — да, и в самом деле, похоже, страшновато. Но не забыл я про овраги, не думайте. Как всё это на само деле работает — пока что не имею ни малейшего представления. Ясно, что есть какие-то практики-методики, отголоски которых и до непосвящённых доходят: все эти черные свечи, дохлые крысы, пентаграммы с заклинаниями...

— Значит, всё-таки колдовство? — Осоргин посмотрел на священника.

— Ну, может, и так. Только это уже совсем не так страшно. Правда, масштаб и размах нашего противника я себе пока плохо представляю. А если честно, то и вовсе никак. Кто? Зачем? С какой целью?

— Пообедать! — рявкнул кавторанг, грохнув кулаком по столу так, что Рэйчел подпрыгнула на подушках. — М-м-м-м... Простите, сударыня... Виноват. Не сдержался.

— Может, и пообедать, — спокойно кивнул Гурьев. — а заодно и поужинать. В общем — брюхо набить. Но — мелкогато как-то для духовных сущностей. Думаю, их интерес — если у них может вообще быть совместный интерес — такое пиршество организовать, чтобы роду людскому небо с овчинку показалось.

— А что, — Осоргин схватил себя за подбородок. — К тому идёт. Прямо как по нотам разыгрывается!

— А почему же у... них, не к ночи помянуты будут, не обнаружиться совместному интересу, Яков Кириллович?

— Для воплощения совместного интереса нужно некое подобие общества, отче, — задумчиво проговорил Гурьев. — Хотя бы иерархия, это — как минимум.

— Вот вам и Денница со своим воинством, — вздохнул священник. — Что — скажете, нет?

— Не верю я в общество волков, отче, — Гурьев громко шёлкнул в воздухе пальцами. — В стаю — да. В львиный прайд. Это — возможно. Хищники — эгоисты. Никакого общества, никакого соподчинения, никакого сотрудничества. Стая. Только стая, отче. Думаю, это самое большее, на что они способны.

— Не ты ли сам говорил, что люди — хищники?! — удивилась Рэйчел.

— От хищников до людей — долгий путь. И вряд ли он был прямым. И обошлось ли тут без постороннего вмешательства — я не знаю. В самом деле не знаю.

— Джейк. Он... разговаривал с тобой. Речь — это разум.

— Верно, — Гурьев с улыбкой посмотрел на Рэйчел. — Верно замечено. Только речь — это ещё не разум. И это ничего не меняет в принципе. Скорее, всего, именно так это и выглядит — большие и

маленькие стаи, одинокие сильные хищники. А разум... Ну и что — разум? Даже если это и так. Добавим игру амбиций, приправим соусом временных компромиссов — нам же ещё и легче.

— Вы это всё за три дня... продумали?

— Дурное дело — нехитрое, батюшка, — ослепительно улыбнулся Гурьев. — Так что, принимаете сию гипотезу как руководство к действию?

— Господь не мог допустить такого, Яков Кириллович, — Осоргин перекрестился. — Господи Иисусе, Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй мя... Не мог. Не мог, понимаете?!

— А он и не допускал, — пожал плечами Гурьев. — Он установил законы, а выполнять их или нет, оставил на наше усмотрение. И вовсе не обещал, будто нарушение законов останется без последствий. Это всё — аномалия, Вадим Викентьевич. Следствие нарушений фундаментальных принципов бытия. И ответственны за него мы. Только мы с вами. Я ещё буду, конечно же, размышлять над этим. Но не очень много — мне не интересно, сколько чертей помещается на острие иглы. Да и вообще, критерий проверки гипотезы — практика, и ничего больше. Нарушение законов чревато — вот и всё. Никаких чудес не требуется.

— Так не в этом ли — величайшее чудо из чудес, Яков Кириллович?

— Оставьте его, отче, — засмеялась Рэйчел. — Несомненно, тот, кто сумеет убедить Джейка в существовании Высшего промысла, да ещё и направленного к нашему благу, попадёт немедленно в рай — и ещё при жизни. Не знаю, как вы, батюшка, а я не спешу — у меня есть ещё дела на земле.

— Несомненно одно, — в тон ей отозвался священник, — с каждой минутой крепнет моя уверенность в том, что ты выкарабкаешься, дитя моё, и произойдёт это куда быстрее, чем кому-то хочется.

— Возможно, вы оба правы, — покладисто кивнул Гурьев, — но я никакого высшего, да ещё и благого, а уж тем более — по отношению к нам всем, — промысла в случившемся не наблюдаю. Возможно, повторяю, вы правы и я действительно излишне сконцентрировался на тактике, причём... Но давайте же всё-таки каждый из нас будет делать то, что получается у него лучше всего: я буду правильно и даже безболезненно — по мере необходимости — выпускать души из тел, а уж вы, отче, позаботьтесь о том, чтобы они попадали, куда им положено.

— И сколько душ вы собираетесь, как вы говорите, выпустить, чтобы добиться того, к чему стремитесь? — в голосе священника звучал не гнев, а жалость.

— Сколько надобно, батюшка, столько и выпустим, — угрюмо заявил Осоргин.

— А подумали ли вы, что будет с вашими собственными душами и где окажутся они после всего этого? — повернулся к нему отец Даниил.

— Чему быть — того не миновать, — отрезал кавторанг и посмотрел на Гурьева, словно ища у него поддержки своему вердикту.

— Джейк, не найдётся ли у тебя платка? — невинно хлопая ресницами, дурацким ангельским тоном спросила Рэйчел. И ехидно пояснила: — Как единственная дама в компании бесстрашных и могучих витязей, я брошу его наземь ради прекращения столь восхитительного состязания в остроумии и цинизме, и тебе придётся помочь мне сделать это. А уж от вас, батюшка, — сердито закончила она, — и вовсе не ожидала!

Бедная моя девочка, подумал Гурьев, одни глаза на лице остались. Гнев, как пламя, гудел у него внутри, стремясь вырваться наружу, но он взял себя в руки. Гурьев знал: гнев — оружие, которым стоит пользоваться, лишь остудив его до температуры абсолютного нуля. Любовь, усмехнулся он, любовь. Как просто. Пожалуй, только сейчас стало ясно, куда яснее и неотвратимее, чем прежде — именно он, и никто другой, отвечает за всё, что происходит, и будет происходить, с этой женщиной. В их общей судьбе. Раз и навсегда, Рэйчел. Раз и навсегда.

Я поступлю так, как должен был бы поступить Господь Бог, если бы существовал, подумал Гурьев. Я создам для неё вселенную и установлю в ней законы, которые никто не посмеет и не сможет нарушить, оставшись в живых. Мои законы. Единственно верные и непреложные, как движение звёзд и планет. Никаких чудес. Всё будет так, как я захочу.

Рэйчел посмотрела на его лицо, словно высеченное из тёмного мрамора, взгляделась в его резкие, бесконечно дорогие черты. Она уже научилась чувствовать, когда Гурьев решает нечто важное для них обоих. Вот и сейчас... О, да, улыбнулась про себя Рэйчел. Да, мой Серебряный Рыцарь. Молния между мирами, подумала она, небо и свет моей жизни. Всё, как ты скажешь. Всё, что захочешь. Всё, что велишь.

— Просто Джейк — отчаянный сторонник идеи прижизненного воздаяния, отче, — тихо проговорила она. — Как разубедить его в том, что это правильно — я не знаю. Да и — так ли уж это необходимо?

— Совершенно лишнее, девочка. Мечтать — это прекрасно, но надо же, помилуй Бог, и сделать что-нибудь конкретное.

— Так что же это всё-таки такое? Духовное... электричество?

— Разберёмся, думаю, по ходу дела, Вадим Викентьевич.

— Оптимист вы, однако...

— Так уж научили, Вадим Викентьевич. А учили долго и тщательно.

— Как же у вас вышло уничтожить его?

— Знал бы прикуп — жил бы в Сочи, как говаривал один мой московский приятель. Я только одно пока знаю. Близнецы — это ведь не просто меч. Не просто клинки. Они — это я. А я — это они. И они сделаны из «звёздного камня». Кто знает, каким магнетизмом, какими силами пропитался тот кусок железа, что прилетел на землю из невероятных глубин Вселенной? И я всегда был уверен, что изготовил нечто большее, чем хорошие клинки. Меч — вместилище души самурая, воина. Проводник. Струна силы. И у меня их аж две — две души как будто. А эта чертовщина — как короста. Оболочка. Клипа. «Эстер паним». Знаком вам такой термин, отче?

— Знаком, — отец Даниил с некоторым удивлением поднял на Гурьева глаза. — Соккрытие лица? Надо сказать, для атеиста вы, похоже, неплохо знакомы с источниками.

— С перво-источниками, — подтвердил Гурьев.

— Вот как? В оригинале?

— Да я и не слышал, чтобы кто-нибудь это переводил.

— Вы что же... иудаизм изучали, Яков Кириллович? Если уж вы о первоисточниках заговорили...

— Право же, вы меня в краску вгоняете, отче, — Гурьев усмехнулся. — Иудей из меня такой же, как буддист или христианин, то бишь совсем никакой. Вот совершенно. Могу добавить — и магометанство мне, как любое посредственное эпигонство, решительно неинтересно. Я вас успокоил?

— Джейк... Прошу тебя.

— Извини, девочка, — лицо Гурьева утратило всякие признаки весёлости, даже наигранной. — Не стоит жонглировать ярлыками, отче. Я учился сражаться любым оружием, даже таким, какое обычному человеку в качестве оружия и представить-то невозможно. Если на чертей, которые по неизвестной пока для меня причине начали у нас под носом скакать, смертоносно действуют заклинания каких-нибудь ботокудов или лисьи хвосты самоедских шаманов, я ни на секунду не замешкаюсь всё это использовать. Если я правильно понимаю складывающуюся обстановку, вам — и не только вам — придётся надолго позабыть о животрепещущих вопросах истинности такой или сякой литургии. Пожар, отче, всем миром заливают, и мчащегося с полным ведром не выспрашивают, какой он веры. Надеюсь, мне не придётся это повторять ещё раз.

— Вы меня неправильно поняли, Яков Кириллович, — священник ничем не выказал раздражения или обиды, что Гурьев покаянно записал ему в безусловный актив. — Несомненно, я стану делать всё от меня зависящее, если от этого польза проистечь может. А вот насчёт шаманизма... Уж извините меня, попрошу от этого покорнейше уволить.

— Ну, камлания — это по моей части, — кивнул Гурьев. — А как, скажите, вы отнесётесь к сотрудничеству с католиками? Протестантами всевозможными? Раввинами, наконец?

— Не сомневаюсь, мы сумеем наладить и сообщение, и сотрудничество. Тут, действительно, разногласия следует до лучших времён отложить.

— А вы что скажете, Вадим Викентьевич?

— Да уж с раввинами договоримся как-нибудь, — чуть покраснев, произнёс моряк. — И, думаю, куда скорее, чем с большевиками. Чем с каким-нибудь Сталиным или Лениным, не к ночи будь помянуты, прости, Господи... И раввинам, полагаю, с нами проще будет договориться, чем с троцкистами-зиновьевыми...

— Мне нравится ваша позиция, — Гурьев улыбнулся. — Что скажете, отче?

— Видите ли, Яков Кириллович... Мне представляется, что вы чрезмерно ударяетесь в материализм, причём в наихудшем смысле этого слова. Вы пытаетесь духовные сущности приземлить, найти место им в нашем мире, мире земного, физического бытия, а это невозможно.

— Вы думаете, что это невозможно, отче, — вкрадчиво сказал Гурьев. — Я понимаю. Вас именно так и учили. Нет ничего удивительного в том, что вы так думаете. А как вы думаете, что представляет из себя наш мир? Мы сами?

— Есть мир вещный и мир духовный, и они...

— Мы — это свет, отче, — тихо проговорил Гурьев. — Это ведь для эллинов атом был неделим. А мы уже знаем, что это не так. Атом делится на частицы, всё более мелкие, до тех пор, пока самые мелкие их этих частиц не утрачивают такого свойства, как масса покоя. Пока не становятся светом. Свет бывает не только видимый, отче. Понимаете? Так что — можно сказать, что мы все состоим из света. А свет, как известно, противоположен тьме. Тьма поглощает свет. Гасит. Пожирает. Вот ведь в чём дело*³. Вадим Викентьевич? Что с вами?

— Вы верите в то, что этому возможно... сопротивляться?!

— Да ну вас, Вадим Викентьевич. При чём тут — верю, не верю?! Вы верили, что на двух винтах до Гибралтара дотянете?! Думали об этом? Голову даю на отсечение, нет. Делай, что должен, и да случится, чему суждено. Раз на нас напали — будем воевать, пока не раздраконим всю эту нечисть начисто, извините за каламбур. Так что — всё просто.

— Просто? Нет. Это вы упрощаете, Яков Кириллович, — снова вмешался священник. — Вы упрощаете всё до такой степени, что в этом просто теряется всякий смысл...

— Так ведь без упрощения никакая деятельность невозможна вообще, отче. Конечно, я упрощаю. Приземляю и очеловечиваю. А как же иначе?! Да я и не собирался никого потрясать своей неизъяснимой мудростью и глубиной проникновения в тайны божественного или не очень божественного замысла и всеустройства. Не нужно это. Вот совершенно. Разве что озвучить кое-какие сугубо утилитарные размышления и выводы, чтобы плавно перейти, наконец, от витания в эмпиреях к действительности. Мы и так уже битый час теории друг другу излагаем, вместо обсуждения практических шагов.

Гурьев, покосившись на Осоргина и поймав его взгляд, утвердительно кивнул.

— Вы можете верить, во что вам нравится, мои дорогие. Суть не в том, во что вы верите, а в том, во что я не верю. Того, во что я не верю, для меня не существует. То, во что я не верю, не может оказывать на меня воздействие само по себе. Только через посредников, живых людей, оперирующих материальными объектами. Иначе никак. Вы верите в то, что есть Бог, который всё видит? Пожалуйста, сколько угодно. Спросите себя, насколько ему интересно смотреть? Маленький каменный шарик, покрытый тоненькой плёнкой воды и газовой смеси, несущийся с сумасшедшей скоростью вокруг жёлтого карлика на самом краю спиральной галактики, одной из тысяч и тысяч вокруг. А на поверхности шарика копошатся человечки, почему-то считающие себя венцом творения, и при этом вся их совокупная масса составляет в массе планеты исчезающе малую долю. И кому они могут быть интересны — микробы на теннисном мячике? Придержите пафос для кого-нибудь с более тонкой нервной системой. Всё предстоит делать самим. Выживать и побеждать. Вот эту очень-очень простую мысль я и пытаюсь до вашего сведения довести. Вложить в ваши уши и головы. Ничего больше.

— Ни вы, ни я не создавали его, — тихо проговорил отец Даниил.

— Что?

— Теннисный мячик с... микробами. Может быть, если бы вы создали этот шарик и существ на нём из себя, вы не были бы к нему так бестрепетно равнодушны?

— Ох уж эти мне ваши вопросы, отче, — вздохнул Гурьев. — А я-то ожидал от вас по крайней мере ответов.

— У меня нет для вас ответов, Яков Кириллович, — вздохнул священник. — Слова утешения — есть, рука, на которую вы можете опереться — тоже, но ответов нет. Вера и не предполагает ответов. Вера и есть — сама по себе ответ.

— Да. Но этот ответ меня не устраивает. Он не описывает действительность, а подменяет её.

— Я вас сейчас поймаю на противоречии, Яков Кириллович. Не вы ли только что говорили о сокрытии лица и оболочках, препятствующих свету? И ваше неверие — не следствие ли такого влияния?

— Интересный парадокс, отче, — Гурьев приподнял правую бровь и улыбнулся. — Из тех, что я люблю — хлебом меня не корми — распутывать.

— Вы видите во всём этом некий спорт? — сердито и удивлённо проговорил священник.

---

³ Сведения и представления об атомной физике и устройстве материального мира, приводимые Гурьевым, являются передовыми для 30-х гг. XX в. и соответствуют воззрениям ведущих учёных-физиков того времени.

— Спорт? Ну, если хотите, — Гурьев посмотрел на Рэйчел, и она опять увидела пляшущие в его глазах серебряные молнии, которые как-то в одночасье перестали пугать её. — Главное, что я во всё это не верю, отче. И единственное, что может всех вас защитить по-настоящему — это моё неверие. А с теми, кто верит во всю эту ахиною — чертей, демонов, их вызывание и сотрудничество с ними, с теми, кто пытается на нас с их «помощью» повлиять, мы справимся, повторяю, безо всякой магии. Совершенно земными методами. Когда голова отделена от тела, очень трудно строить козни и плести заговоры. Подозреваю даже, что вообще невозможно.

— Но всё же получается, что это... существует?

— Ну конечно, существует. Хотя не могу не признаться — для меня это в некотором смысле сюрприз. И довольно-таки, надо сказать, неприятный. И всё же, я бесконечно далёк оттого, чтобы в своих умозаключениях о природе явления, с которым мы столкнулись, руководствоваться всем тем ворохом бреда, который я перелопатил в Королевской библиотеке. Все эти иерархии, вельзевулы-люциферы... Чушь несусветная, и ничего больше.

— И не было ничего, что вас насторожило? Удивило?

— Было, — по лицу Гурьева промелькнула едва уловимая тень. И никто, кроме Рэйчел, её не заметил. — Эта нечисть что-то говорила... о Замыкающем Врата. И вибрация рукоятей. Но ведь это ничего не означает, кроме того, что мы имеем дело с физическим, материальным процессом, пусть мало или даже совсем не изученным. Не больше!

— Я вовсе не разделяю вашего оптимизма, Яков Кириллович. Боюсь, не разделяю. Мне он представляется уж чересчур каким-то... Легковесным, что ли. Не знаю. Хотя... Мир действительно сошёл с ума. Кто знает, что теперь возможно и что нет... Простите, всё-таки не могу вам этого не сказать. Я в вас ощущаю личность творческую, ярко и самобытно мыслящую, образованную широко и глубоко, хотя, по моему убеждению, совершенно бессистемно. Вам именно поэтому следует скорейшим образом разобраться в том, во что вы верите и во что нет...

— Образованного? — протянул Гурьев несколько задумчиво. — Так ведь никакого формального образования у меня вовсе нет, можно сказать. Правда, мама, пусть я буду достоин её памяти, приложила все усилия, чтобы вложить в меня программу классической гимназии, но и только. — Он вдруг улыбнулся: — Но ведь только из-за моей вопиющей безграмотности вы же не откажетесь мне помогать, отче. Несмотря на тактические разногласия.

— Нет, конечно. Я не верю, что ваши методы решающе действенны, но помогать вам я, разумеется, буду со всем усердием. В этом не сомневайтесь.

— Ну и славно, — Гурьев хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся. — Начнём собираться, Рэйчел. Завтра утром мы возвращаемся. Домой.

* * *

Наконец, мысли Ладягина пришли в некое удобоваримое для популярного изложения состояние, в связи с чем он потребовал заслушать его доклад «О возможной природе так называемой души, а также нечистой силы и современных методах борьбы с нею». Несколько юмористическое звучание темы сообщения вызвало недвусмысленное, хотя и тщательно скрываемое недовольство священника. Однако, поскольку голос отца Даниила во всём, что не касалось практических аспектов защиты, имел статус совещательного, ему в активном оппонировании было мягко, но решительно отказано. На помощь священнику неожиданно пришёл сам Ладягин:

— Напрасно вы, дамы и господа, батюшку задвигаете. То, что мы с вами тут закоsnели в безбожии и материализме, совершенно ничего не означает. Я, например, уверен, что механика и физика этих самых духовных процессов нам ещё долгое время будет оставаться неясной. А многовековая практика человечества говорит о том, что искренняя молитва и символические предметы, на которые такая молитва опирается, вполне могут послужить весьма действенной защитой. В какое-то высшее существо я не верю, а вот внутри нас, кажется, такие силы сокрыты, что просто удивительно...

— Это интересно, Владимир Иванович, — прищурился Гурьев. — Очень интересно. К вашим словам у меня имеется филологическое дополнение. Не примечательно ли, что глагол «молиться» имеет в русском языке возвратную форму? То есть мы молим более себя самих, нежели кого-то, самих себя на определённые действия и восприятие настраиваем. В английском или немецком такого, кажется, не замечено, а вот в древнееврейском — почти то же самое: молиться там тоже глагол возвратный, в буквальном переводе на русский означает «судить себя». Что скажете, отче?

— Скажу, что ваши, Яков Кириллович, поразительно энциклопедические познания во всех мыслимых областях вовсе вашего неверия не объясняют, — улыбнулся священник. — Во всяком случае, для меня. И как вам удаётся, неся такой груз познаний, сохранять возможность не только здраво размышлять, но и здраво действовать — для меня загадка едва ли не большая. Но давайте всё-таки выслушаем сперва глубокоуважаемого Владимира Ивановича.

В каминном зале собрались Рэйчел, генерал Матюшин, Осоргин, Тэдди, отец Даниил, Гурьев и, собственно, докладчик. Для наглядности установили грифельную доску и выложили мел, с тем, чтобы, возникни у Ладыгина необходимость пояснять свои рассуждения рисунками и опорными словами, ему было легко это сделать. Несколько взволнованный всеобщим благосклонным вниманием, Ладыгин, постепенно воодушевляясь, заговорил:

— Если представить, что моя теория верна, то каждый человек имеет непременно внутри своего тела образование, именуемое душою, совершенно уникальное, ничем, кроме собственно природы своей, на душу другого человеческого существа непохожое. Из курса элементарной физики известно, что водород — самый распространённый элемент в природе. Следовательно, вполне допустимо предположение, что таковая душа есть некая субстанция на основе атомов водорода, как самых простых и наиболее широко распространённых, обладающая особыми свойствами. Скажем, атомы такой субстанции лишены электронов и состоят из одних только нейтронов, что многократно увеличивает плотность и вероятность межатомных связей, образующих в том числе молекулы и некие совокупности молекул. Поскольку я прилагал усилия к тому, чтобы мыслить совершенно практически, этот экскурс в атомную теорию скоро станет вам, дамы и господа, понятен.

Ладыгин, убедившись, что вступление не вызвало словесных возражений и его по-прежнему благожелательно слушают, перевёл дух и продолжил:

— Теперь позвольте мне провести некоторую достаточно поверхностную, однако при этом весьма наглядную аналогию. Всем вам, безусловно, известен такой бытовой прибор, как фонограф. Как известно, звук, точно так же, как иглой на воске, металле либо пластической массе, возможно записать в другом виде. Например, в виде букв, что мы делаем с вами постоянно, когда пишем на бумаге и затем воспроизводим при помощи наших губ, языка и голосовых связок обратно в звуки членораздельной речи. Так это, дамы и господа, есть не что иное, как процесс кодирования и декодирования. Так же само — в принципе — работает и радиоприёмник с передатчиком. Я же полагаю, что похожий принцип можно применить к записи любой информации. Именно этим и занимается наш мозг. На основании рассуждений о бессмертии души я предположил, что содержание души есть не что иное, как информация, каким-то неизвестным нам образом записанная и сохраняемая в структуре этого самого газа, о котором я вёл речь выше. Душа, что, опять же, известно и не противоречит никаким религиозным воззрениям, на протяжении жизни человека претерпевает изменения — что означает, в узко теоретическом смысле, накопление либо утрату информации. Известно и то, что информация не просто накапливается, но и обрабатывается — отсюда проистекают наши мнения, воззрения, убеждения и тому подобное. Следующее моё предположение, имеющее целью как-то придать гипотезе стройность и завершённость, заключается в том, что душа каждого человека, будучи информационно организованным «газом», имеет нечто, названное мною «результатирующим зарядом». Зарядов этих, как можно предположить, только два — плюс либо минус. Это совершенно не моральный плюс или минус, а абсолютно физический, электрический, ничего общего с отрицательными или положительными качествами человека не имеющий. Моё глубокое убеждение состоит в том, что в общем случае души людей умных, высокоразвитых, образованных и общественно полезных, если хотите, мотивированных, высокоморальных, чьи устремления направлены на всеобщее благо...

Гурьев при этом привстал и шутовски раскланялся, чем несколько разрядил обстановку и внёс необходимое оживление — все засмеялись, улыбнулся и Ладыгин, признательный Гурьеву за своеобразную поддержку. Когда «шеф» уселся, успев что-то шепнуть Рэйчел, от чего та медленно, но очевидно порозовела, опуская глаза, Ладыгин, кивнув, продолжил:

— Так вот, души таких людей имеют, как и земля, заряд минус. Именно потому они от земли отталкиваются, устремляясь вверх, в космос, к звёздам, где, возможно, впоследствии становятся источником образования новых звёзд и вообще того, что мы называем «светом Вселенной». — При этих его словах присутствующие переглянулись. — Это не совсем, возможно, та «вечная жизнь», о которой говорят нам в Церкви, но, по крайней мере, это нечто не менее возвышенное и, если хотите, почётное... По крайней мере, меня такая судьба после окончания земного пути вполне бы устроила. В противоположность тому, души людей низких, глупых, злонамеренных, имеют заряд плюс, почему и стремятся, в некотором смысле, к центру земли, где, как известно, располагается, по мнению

людей верующих, ад. Исходя из этого теперь предположения, легко допустить, что религия, духовные практики как-то пытаются человеческим душам... помочь, если можно так выразиться, устремиться не вниз, а вверх. Покаяние, прощение, соборование, отпущение грехов, всё, с этим связанное — это и есть не что иное, как направление и перенаправление души. Разумеется, всё это чрезвычайно сложно и неоднозначно, — например, покаяние, раскаяние может означать в том числе и реорганизацию информации, её переосмысление в определённом ключе, что меняет, опять же, результирующий заряд... Я, право же, не хотел бы чрезмерно в физику углубляться, поскольку и так уже всех бесконечно утомил.

— Ничего-ничего, Владимир Иванович, — подал голос генерал, — когда-то же и нам необходимо информацию реорганизовывать, ко всеобщему благу и усвоению необходимого для устремления в небеса заряда. А то так и помрём дураками — да и в ад, ничтоже сумняшеся, отправимся, так что мы вас чрезвычайно внимательно слушаем.

Все опять — включая священника — заулыбались. Ладагин, ещё более воодушевившись недвусмысленной поддержкой слушателей, — особенно польстил ему горящий любопытством взгляд мальчика — продолжил лекцию:

— Предполагаю, что по смерти человека выход этого самого газа происходит сравнительно медленно, поскольку, чтобы выйти в виде заряженных частиц через проводящие жидкости и ткани, например, позвоночного столба — так называемый ионный или ионно-связанный дрейф — необходимы часы и даже дни. В этой связи вполне возможно, что худшая смерть для человека — это моментальный разрыв на куски, как при взрыве, например. Поэтому Иван Грозный, взрывая людей порохом и преследуя мысль — «отправить в ад без покаяния» — был, к несчастью, в каком-то смысле прав.

— Получается, все эти девять дней, сорок дней и прочее имеют вполне материальную подоплёку. Интересно, отче, не правда ли?

— Если это поможет вам, Яков Кириллович, склониться к искреннему принятию Святого крещения, не замедлю согласиться, — отпарировал священник под общее веселье. — Правда, я пока не совсем понимаю, каким образом всё сказанное отвечает предмету нашей непосредственной заботы.

— Сейчас, батюшка, мы к этому подойдём, — пообещал Ладагин. — Я полагаю, в соответствии с изложенными соображениями, что ад есть не что иное, как скопление положительно заряженных газовых облаков, душ, не способных либо не сумевших переменить заряд с плюса на минус. А теперь я могу вполне последовательно предположить, что эти газовые облака взаимодействуют, во-первых, между собой, что совершенно логично, и, во-вторых, находясь в непосредственной близости от нас, живых людей, они пытаются взаимодействовать и с нами тоже.

— Зачем?! — звонко спросил Тэдди.

— Чтобы питаться, — повернулся к нему Ладагин. — Несомненно, в этой жизни после жизни, хотя и отсутствует биохимический обмен веществ, присутствует обмен энергетический.

— Джейк... Ведь именно об этом...

— Подожди, родная. Давайте дальше, Владимир Иванович.

— Дальше вот что получается, — заторопился Ладагин, понимая, что очень скоро у слушателей, за исключением, пожалуй, Гурьева, просто-напросто иссякнут запасы знания и терпения и они потеряют нить разговора. — Для тех, кто с зарядом минус, вопрос питания остро стоять не должен, поскольку в космических безднах всякого рода излучений масса — и звёзд, и Бог знает чего ещё. А вот на земле, паче того — под землёй, с этим должно быть не так чтобы уж очень замечательно...

— Но ведь они и должны быть там запечатаны, разве нет?

— А землетрясения всякие, сдвиги тектонические, трещины, провалы, бурение, наконец? Вот и получается у них... Выходить на поверхность. Естественно, поскольку тут много... энергии, то есть пищи, они стремятся тут как можно дольше и крепче задержаться.

— Яков Кириллович уже выдвигал гипотезу, что они способны на живом человеке паразитировать.

— Очень, очень возможно! Замечательная мысль! То есть... Что это я... Ничего замечательного в этом нет, конечно...

— Да уж. А как же обстоит дело с взаимодействием, если заряд — одинаковый?

— Заряд, как я уже говорил, результирующий. Опять же — разница потенциалов земли и эфира, сиречь космоса, да и процесс слипания равнозаряженных частиц науке хорошо известен.

— Значит, и тут нет противоречия?

— На мой взгляд, никакого. А вот с вами, Яков Кириллович, несколько сложнее обстоит, судя по всему.

— То есть?

— Из вашего рассказа — и про нападение в госпитале, и про того бандита американского — я сделал вывод, что на вас атмосферное электричество оказало какое-то очень избирательное влияние. То есть другие люди этих сущностей не видят — а вы видите. Конечно же, не оптическим зрением а, так сказать, духовным, но это «видение» потом просто в зрительные образы мозгом преобразуется, так что ничего особенно странного я тоже не нахожу. И выглядят они так, как именно и должны выглядеть — то есть... облаками. И ещё — похоже, вас они не пугают.

— С чего я должен их бояться?!? — изумлённо уставился на Ладягина Гурьев.

— Ну... видите ли... — замялся оружейник. — Есть в них что-то такое... Не просто опасное, а... может быть, вот это самое опасение, что оно зацепится — и пропала душа христианская... А у вас, похоже, и зацепиться не за что.

— Что ж я — ангел, по-вашему?! — рассердился Гурьев.

— Ну, ангел — не ангел, а вот зацепиться им, похоже, за вас не получается. Потому что пытаться-то должны были.

— Ладно, обо мне, любимом, мы ещё побеседуем. Давайте всё же к нашим этим сущностям возвратимся. Как же они выживают? Один способ, как мы сумели догадаться — паразитизм. Но это — для каких-то совсем мелкотравчатых сущностей, судя по всему. А посерьёзнее? Жрут друг друга?

— Думаю, именно так. Включают в себя, то есть пожирают.

— Тогда получается, что в результате некая сущность остаётся одна, включив в себя всех остальных? — нахмурился Осоргин. — Нет. Не то!

— Правильно, не то. Но думаю, есть... очень крупные. Старые, и потому... очень большие. А там уже совсем другие закономерности начинаются. Они уже, в общем-то, могут в нашем мире не только через кого-то, но и сами по себе действовать.

— А вот с этого места поподробнее, пожалуйста.

— Я вас прошу, дамы и господа, не переживать сверх меры раньше времени, ибо это всего лишь гипотеза — и очень мне хочется, чтобы она так гипотезой и осталась... Однако не поделиться с вами не считаю возможным. Так что... это Оно — просто-таки определенно некий громадный конгломерат присоединенных сущностей. Общая масса его видимо может достигать многих пудов, а то и метрических тонн. Вполне вероятно, что Оно может выглядеть большим облаком — при некоторых условиях освещения или, например, интенсивности солнечного ветра в атмосфере, или при северных сияниях. Иногда Оно — просто мираж. Живёт Оно, скорее всего, в больших естественных пустотах, где никто не мешает его покою. А может, и в морских глубинах — сколько у моряков существует легенд о том, как всплывает нечто, и все на корабле сходят с ума, и бросаются, обезумев, за борт... Вряд ли это совсем уж поголовно выдумки!

— Перемещаться оно может? — быстро спросил Гурьев.

— Да, — кивнул Ладягин, — и довольно быстро. По воздуху, в вакууме, в пористых телах. А вот через что-нибудь вроде брони или плотного бетона ему, думаю, будет невозможно напрямую просочиться — слишком много затрат на разборку кристаллической решётки.

— И энергии у него хоть отбавляй.

— И вот это уже опасно, — со вздохом сознался Ладягин. — Поскольку оно имеет множество зарядов, зарядовых связей, постоянно подпитывающихся природными полями. Чем, как говорится, чёрт не шутит — возможно, ему и предметы перемещать по силам, электростатикой, скажем, а металл — наведённым электромагнитным полем, говорил же Яков Кириллович, что оно с ним разговаривало, то есть разумность в нём некая присутствует... Вполне возможно, что такое вот Оно может и самоуплотняться, напоминая по консистенции уже нечто вроде киселя или студня. В таком виде, преобразовывая свою атомную структуру в нужное химическое вещество — например, кислоту какую-нибудь — может причинить материальный вред, а то и убить. Не исключено, что оно способно «отрывать» от себя «куски» и посылать «по делам». А затем вбирать обратно.

— Похоже, это с нами и случилось.

— Оно так произнесло «Я» — как будто бы с прописной буквы, — Гурьев прищурился. — Возможно, потому, что было частью... некоего целого?

— Яков Кириллович, а вы как это... существо уничтожили? Каким ударом?

— Этот удар называется «осенний лист». Один удар — из двух, в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Сложно объяснить словами, ей-богу. Лучше я вам как-нибудь при случае продемонстрирую.

— Точно! — воскликнул Ладягин. — Точно! Обе плоскости симметрии, горизонтальная и вертикальная!

— Это очень сложный способ борьбы, Владимир Иванович, — улыбнулся Гурьев. — У меня такое чувство, что владеют им буквально единицы. Может, нам пора перейти ко второй части доклада, а именно — «методам борьбы»?

— Так ведь это я и собираюсь сделать! — боднул кулаком воздух Ладягин. — Я всё рассказывал затем, чтобы вы себе как можно лучше представили, с чем мы столкнулись! И есть ещё много вариантов, какими оно способно воздействовать на людей. В том числе очень опасных!

— Огласите оные, Владимир Иванович.

— Они могут наводить разнообразные мороки и галлюцинации... Не так ли, батюшка? — Отец Даниил нехотя кивнул, и Ладягин продолжил: — Думаю, действуют они через мозг, так как их сущностью является всё-таки информация, об этом забывать не следует никогда! Возможно, они могут — при помощи оставшихся в телах недавно умерших людей и животных химических соединений, вызывающих сокращение мышц — заставлять эти тела двигаться...

— Господи помилуй...

— Это очень сложно, Владимир Иванович, — скептически поджал губы Гурьев. — Насколько я знаю, такие вещества крайне неустойчивы и короткоживущи, поэтому... Ну, в каких-то совершенно уже исключительных случаях такое, может быть, и возможно в принципе, но уж статистически — просто ноль и неприличное число сотых.

— Ну, пусть, — не стал настаивать Ладягин. — Однако же недаром принято покойников всё-таки хоронить, и как можно скорее.

— Ну, это по многим причинам целесообразно, — усмехнулся Гурьев. — То есть вы предлагаете — поскольку мозг всё равно так или иначе всем управляет — стрелять непременно в голову?

— И разрывными, Яков Кириллович, разрывными, — поддакнул кавторанг.

— Господа, может быть, вы всё-таки дадите Владимиру Ивановичу закончить? — тихо попросила Рэйчел. — А то, я вижу, вы уже мысленно снаряжаете патронташи.

— Примерно, примерно, — покивал Матюшин. — Просим вас, Владимир Иванович.

— Не исключено, что они могут вселяться и в животных. В том числе с большой массой, хищников, и так далее. Так что если на нас бросится стадо обезумевших коров, можно с известной долей уверенности предполагать, с чем, или с кем, мы имеем дело.

— С бешеными тёлками, — вспомнил мальчик недавно услышанное от кого-то из господ офицеров словечко, чем развеселил всех — даже Рэйчел улыбнулась.

— Ну, уже... где-то, как-то, — отсмеявшись, Матюшин посмотрел на Осоргина, потом на Гурьева. — Некие облака положительно заряженных газовых частиц и их конгломератов. И что?

— А вот послушайте. Известно, что химически чистое серебро в результате слабо изученных внутриатомных процессов, находясь в воде, способствует появлению отрицательно заряженных ионов, которые, помимо всего прочего, обладают ещё и бактерицидными свойствами. Возможно, что-то похожее происходит, когда серебро взаимодействует с этими сущностями? Для отрицательно заряженного оно, так сказать, нейтрально-безопасно, а вот для положительно...

— А что? Непротиворечиво, опять же.

— То есть, все старые добрые дедовские способы можно применять?

— Ну разумеется!

— А ещё лучше тогда, если серебро распылять, — опять заговорил мальчик. — Да, Джейк? Так... Ну, область больше. И площадь, и объём.

— Правильно.

— А его же в святой воде растворяют, — добавил Тэдди. — Тогда вообще совсем просто: святая вода, с серебром — и пульверизаторы, водомёты. Да, Джейк?

— Тоже годится. Только воздействие может оказаться недостаточно мощным. Но над этим ещё Владимир Иванович подумает, с тобой вместе. Вы как, Владимир Иванович? Возьмёте Андрея Вениаминовича в помощники?

— Какие могут быть вопросы, Яков Кириллович, — улыбнулся Ладягин, без промедления подпрыгивая Гурьеву. — Непременно возьму, и с огромным удовольствием. Я вот подумал, что на

них может разрушительно влиять мощное ионизирующее излучение, вроде рентгеновского. И высокие температуры. А вот механическое воздействие им, похоже, сильно повредить не может.

— А мечи?

— Мечи — отдельная тема. Они ведь у вас, Яков Кириллович, совершенно не простые... Над прочими способами надо будет усиленно подумать. Теперь это немного легче...

— Всё равно мы ничего не знаем наверняка.

— Ну, почему же. Известно, что оно есть, обладает чем-то вроде разума, желает употребить в пищу нечто, находящееся внутри человека, и его можно уничтожить. Это очень ценные и важные сведения, хотя, конечно же, недостаточные для того, чтобы от суммы догадок переходить к теориям. Владимир Иванович, хочу увидеть список необходимого вам оборудования и примерный штат помощников с указанием научных профилей и специальностей...

— Нет, Яков Кириллович, — покачал головой Ладагин. — Это неправильно. Это в научном сообществе никогда — по крайней мере, в ближайшие десятилетия — принято не будет. А в одиночку мы такие исследования просто не потянем. Да нам это и не нужно. Оружие против этих... мерзотов я вам и без миллионных затрат предоставлю.

— Так как же мы их увидим?! Чтобы врага уничтожить, надо знать, где он находится!

— Детектор я сделаю, — спокойно, буднично даже заявил Ладагин.

— Детектор?!?

— Да. Яков Кириллович утверждает, что почувствовал вибрацию. Возможно это гармоника истинной частоты, скорее всего, очень высокой. Есть исходные материалы...

— И как мы его... испытаем?

— А вот как сделаем, так и испытаем.

— Да где?! Чёрта в гости позовём?!?

— Ну, это лишнее. Поднесём к какой-нибудь... сволочи. Сработает — значит, правильно настроили.

— Ну, это уж вы хватили, Яков Кириллович, — возмутился священник. — Злодеев детектором определять?!

— Злодей и так виден, — пожал плечами Гурьев. — Мне интересно, что у него внутри. Пока ещё вскрытие покажет! А мне сейчас интересно. И мы непременно должны выяснить, что же это на самом деле такое.

— Мы знаем достаточно для того, чтобы успешно им противостоять, — твёрдо заявил Ладагин. — Остальное — когда у вас, Яков Кириллович, будет в полном вашем распоряжении научный потенциал страны вроде Англии или Североамериканских Штатов. С меньшими силами браться за полномасштабные исследования в этой области по меньшей мере наивно.

— Они никогда не согласятся...

— Верно. Вам повезло в том смысле, что я прикладник, а не учёный. Будь я учёным, таким, как ваш Капица, вы бы мне и рассказывать ничего не стали, так?

— Так, — повесил покаянную голову Гурьев. — У кого ещё есть вопросы к докладчику?

— У меня, — поднял руку Матюшин. — А куда же нам поместить, в рамках вашей, Владимир Иванович, теории, всевозможные «эргрегоры толпы»?

— Пока не знаю, — покачал головой Ладагин. — Думаю, где-нибудь, если можно так выразиться, посередине, поскольку эти образования в некотором смысле неустойчивые и без адептов мало к чему способные. Если же учесть, что адептами на индивидуальном уровне возможно манипулировать, то эргрегор уже совсем становится совокупностью множества разнонаправленных элементов, так что...

— А есть ещё и эргрегор, то бишь бес, коммунизма...

— Стоп-машина, Вадим Викентьевич. Это уже преумножение сущностей, против которого я категорически возражаю. Эдак мы с вами ещё и до беса христианства договоримся, и батюшка нас совсем покинет. Это нам не нужно, не наш метод.

— И на том спасибо, — проворчал явно расстроенный священник.

— А к тому мы ещё имеем различные духи гор, ручьёв, тенистых рощ и старых развалин, чьё поведение может отклоняться как в плюс, так и в минус, в зависимости от того, на какую сторону их потянет в присутствии человека либо какой иной духовной сущности... Одним словом, получаем пёстрый и разнообразный духовный мир, — подытожил Гурьев. — И как прикажете в нём разбираться?

— Никак невозможно в нём разобраться, Яков Кириллович, — покачав головой, произнёс священник. — Поверьте опыту духовного лица, невозможно. Больше того — невозможно в принципе. И дело тут совершенно не в умственных способностях. Не вы, что называется, первый

пытаетесь. Каббалисты, христианские гностики, всевозможные мистики, суфии — многие пытались, да только ничего не выходит. Это, друзья мои, падшие духи. Понимаете? Да, они легко идут на взаимодействие, дают «ценные», «правильные» советы, особенно поначалу, поэтому-то так легко человеку поддаться влиянию беса — он лучше «виден», ведь ангелы не вмешиваются открыто в нашу жизнь и на контакты не идут, за исключением самых судьбоносных моментов...

— А это, значит, был не судьбоносный момент. Рэйчел, ты ангела, случайно, не видела? Тебя никто на небушко не приглашал?

— Нет. Джейк, пожалуйста... Батюшка, мы вас слушаем.

— Наука изучает видимый мир. А этот мир — невидимый. Нематериальный, что бы Владимир Иванович не говорил. Исследовать этот мир — опасно, ибо они, эти сущности, рады любому «исследователю». Сколько таких исследователей по монастырям с незапамятных времён пряталось и прячется... — отец Даниил укоризненно покачал головой. — Нет там никакой науки, никакой физики. Другие там законы, совершенно другие. Они притворяются материальными, чтобы вы их «исследовали». Вот в чём дело.

— Это интересная мысль — притворяются материальными. Весьма, хотя и крайне противоречивая. Ну, да ладно. Одного я, похоже, всё же уничтожил. Как с этим быть? Вполне материальным инструментом, кстати. И сигнал о приближении я получил очень даже материальный.

— Да я понимаю, Яков Кириллович. Понимаю. Но и вы поймите. Человек, по Писанию, намеренно огражден от видения этого мира духов, чтобы не впасть в удручённое состояние — этих духов как мошканы. Они создавали бы большие препятствия для жизни нашей, заслоняя видимый, более плотный мир. Человеческая душа сама имеет тонкую природу. Но человеческий разум после грехопадения замкнулся на себе, потому в его развитие и вкладывает человек основные силы, не умея вотще наладить связь с душой, чтобы вкладывать свои силы в её развитие. Конечно, эти сущности действительно есть, и иногда можно действительно с ними столкнуться, особенно ночью, во сне или же в момент засыпания. Как с вами, Яков Кириллович, и произошло. Но исследовать их невозможно, повторяю. И не нужно. Не потому, что я против науки или исследований, спаси Господи. Но это мир, от которого защищаться необходимо, а не изучать его. Меня обнадеживает во всей этой истории только то, что и Владимир Иванович так считает.

— Верно, батюшка. Не стоит туда человеку соваться. Хотя соблазн, конечно...

— Вот. Соблазн!

— Да нет никакого соблазна, — поморщился Гурьев. — Есть интерес понять, с чем имеешь дело, чтобы правильно организовать защиту и нападение.

— Нападение?!? Да вы что такое говорите, Яков Кириллович!

— А что? — пожал плечами Гурьев. — Война — так война. А сидеть да обороняться — так много не навоюешь. Меня интересует один, на самом деле, вопрос: смертны ли эти сущности. То, что их можно уничтожить — понятно. Но человек смертен сам по себе, вследствие, так сказать, законов термодинамики. А эти? Что скажете, Владимир Иванович?

— Я думаю, что и на них те же самые законы распространяются. В конце концов, живая субстанция от неживой тем и отличается, что обладает, на основе химических и физических процессов, способностью к самоорганизации. Конечно, при этом накапливается энтропия. Уверен, что и у этих сущностей — та же проблема. Разумеется, они смертны, только срок их жизни, если можно так выразиться, очень длительный. И энергия для питания нужна им постоянно.

— А крест этот в госпитале?

— Не могу утверждать, но... Мне представляется, что они тоже подвержены своего рода эволюции, тем более, что мутационные изменения в их, так сказать, «организмах» вызвать не в пример легче, чем в сложных системах. Фактор среды очень сильно должен влиять.

— Бесы примитивны, а, отче?

— Безусловно, примитивны, Яков Кириллович.

— И тут нет противоречия с эмпирическим знанием. Дальше, Владимир Иванович.

— Полагаю, они умеют впасть в состояние, которое можно назвать спячкой. В состоянии покоя им нужно совсем немного энергии, буквально крохи. А вот в состоянии возбуждения они приходят, когда их... вызывают.

— Имя!

— Да.

— Остаётся опять же проверить это на практике, — Гурьев посмотрел на священника. — Нет, нет, отче, вы меня неправильно поняли. Исключительно при благоприятных условиях.

— Господь с вами, Яков Кириллович.

— Погодите, господа, — вмешался Матюшин. — Но тогда получается, что они могут самостоятельно передвигаться? Даже самые примитивные из них?

— Я думаю, человек, вызывая беса, уже снабжает его энергией. А вот как это на физическом уровне происходит — это, знаете ли, вопрос вопросов, Николай Саулович.

— А я думаю, они всегда возле людей держатся, — сказал Тэдди. — Им же люди нужны, правильно? Они же только от людей могут получить то, что им нужно?

— На земле — скорее всего.

— Тогда они всегда близко, — нахмурился мальчик. — И всегда ждут, как за людей зацепиться. Да, Джейк?

— Очень похоже, — Гурьев кивнул. — Очень. И это, конечно, всего-навсего паразиты. Большие и маленькие. И перемещаются только в носителях, а в свободном, несвязанном, так сказать, состоянии, либо не слишком опасны вообще, либо очень непродолжительное время. Хотя, чтобы человека убить, времени нужно — всего ничего. Так что... опять никакого противоречия. Можно и повоевать.

— Единственно возможный способ войны, Яков Кириллович — принять сторону Господа, сторону Добра, если термин «Господь» вас не устраивает, и во всём этом выборе следовать.

— А мы не этим разве занимаемся? — удивился Осоргин.

— Совершенно не этим, Вадим Викентьевич, — повернулся к нему отец Даниил. — Или вы думаете, что путь Добра — это скакать с револьвером и палить в белый свет, как в копеечку? Освободить, как Яков Кириллович выражается, души из тел — это, по-вашему, есть следование воле и принципам Господней Любви?!

— Не согрешишь — не покаешься, — проворчал Осоргин. — В монастырь теперь прятаться, так разве?

— И это путь, Вадим Викентьевич, — мягко возразил Матюшин. — Однако, насколько я понимаю, не для всех. Для вас, для меня, для Якова Кирилловича путь этот тоже, конечно же, не заказан, однако уж очень он долгий.

— Длительность вещь тоже крайне неприятная, однако беда не только в ней. Если бы мы Царство Божие на земле устанавливали, тогда, конечно, прямая дорога — в монастырь, другого пути не существует. Мы же, отче, таких возвышенных и, прямо скажем, несбыточных целей перед собой не ставили никогда.

— А какие ставили? Царство земное? — тихо спросил священник. — Известно ли вам, кто сим царством управлять будет?

— Нет, — резко сказал Гурьев, обменявшись быстрыми взглядами с Матюшиным. — И такую цель, невероятно глупую, по причине её амбициозности, я никогда перед собою не ставил. И абстрактная всеобщая справедливость меня тоже не интересует, ибо это утопия, и утопия крайне опасная и донельзя кровавая. Всегда существовал и будет существовать потенциал интересов, и баланс между ними, равновесие — вот это возможно и, больше того, настоятельно необходимо. Начинаю же я, что вполне понятно, логично, этично и так далее, с близких и дорогих мне людей — с себя, в каком-то смысле. Это — как точка отсчёта, печка, от которой мы пляшем. А все эти царства божии да земные, всеобщие справедливости, коммунизмы и прочие измы — совершенно неустойчивые, неравновесные системы, потому и такой, извините за выражение, бардак в мире и творится. Удерживающие нужны, отче. Да не один — много. Те, кто понимает: равновесие — вот главное условие существования и развития. И в обществе, и в космосе, и в природе. Иначе — энтропия и хаос, разрушение и смерть.

— Однако... — крикнул священник.

После ужина все, как по команде, снова потянулись в каминный зал, кроме Тэдди и Ладягина. Мальчик отправился спать: режим — превыше всего, а оружейник, никогда не питавший особых пристрастий к политическим разговорам, решил, что ломать эту замечательную традицию, им самим для себя установленную, ему даже сегодня совершенно не хочется.

Джарвис, расставив кресла вокруг камина, чопорно пожелал всем приятного вечера и, вознаграждённый за усердие благодарным кивком Гурьева и улыбкой хозяйки, удалился. Разговор перешёл в другое русло и двинулся в область морали и права, где теперь уже отец Даниил чувствовал себя полноправным хозяином.

— И всё-таки меня, признаться, совершенно не радует перспектива быть безмолвным свидетелем насилия. Неправильно это, не по-христиански. Само понятие удержания, Удерживающего, наполнено глубоким смыслом. Оно наводит на мысль об ограде, об особом препятствии, которое стоит на пути вторжения зла в повседневную жизнь, и о страже, который препятствует такому вторжению... Именно такую мысль вкладывает православная церковь в свое учение о Христианском

Царстве и о стоящем во главе его Царе — Удерживающем, Катехоне, единственном полномочном носителе власти судейской и карающей...

— Так ведь сначала нужно это Царство устроить, отче.

— Царство невозможно устроить человеческим промыслом, Яков Кириллович. Царство должно быть явлено, понимаете?

— Понимаю. Вид и способ явления не подскажете? Очень мне это напоминает старый еврейский анекдот об одном праведнике, который во время наводнения уселся на крыше и всё ждал, когда Бог пошлёт за ним ангела. Мимо люди плывут: садись, спасайся скорее! А он: меня Бог спасёт, я праведник, он за мной ангела пришлёт. Ну, понятно, не дождался никакого ангела и утонул, бедняга. На том свете предстал пред Богом и давай его поносить: да что же это ты, такой-растакой, я всю жизнь тебе молился, ни разу субботу не нарушил, туда-сюда — как же ты меня так бросил?! А Бог ему отвечает: а я не посылал тебе плот и лодку, мишугинер?! Так и у вас, отче — явлено будет. А вы увидите его, это явление? Не пропустите, особого явления ожидаючи?

— Господь укрепит и не допустит, Яков Кириллович. Непременно разглядим, непременно. Только для этого необходимо душу очищать, укреплять её пред Господом, а не гекатомбы громоздить! Ведь не просто какую-то коммунистическую сатрапию устроить хотите, а — Царство. Христианское Царство составляет ограду Церкви, ограду всего общества. Все государства, которые добро устроены, которые создаются в согласии с данным апостолом Павлом образцом, охраняют каждого из нас от массы искушений. Как же Царство, на гекатомбе выстроенное, может от греха сохранить?! Да что далеко ходить за примером — не большевики ли о светлом и радостном будущем твердили...

— А с чего это вы взяли, что мы непременно гекатомбы возводить собираемся, батюшка?

— Государства по-иному не возникают, господа. Вам ли, военным людям, не знать об этом? Тем более во времена нынешние, времена последние...

— Вот именно. А Царство, о котором вы говорите — это Царство не от мира сего.

— А вы все, Николай Саулович, повторяю, Царство земное строить взялись!

— Нет, отче. Вы не правы. И вот почему. Евангелие говорит о Царстве земном, о Царстве Антихриста, в том смысле, что это Царство все страны и народы объединит. Речь в Евангелии идёт исключительно о всеобщем едином государстве. Но такое, во-первых, и невозможно — и слава Богу, и во-вторых — вообще нашей целью не является. Потому меня и не пугают евангельские ужасы, что я в них не верю и их не боюсь. Антихрист столько раз уже появлялся, отче, что бояться его как-то даже совестно.

— Что вы говорите, Яков Кириллович?!

— Да то и говорю. Наполеон. Троцкий. Теперь Гитлер с его «новым немецким порядком». Это всё явление совершенно одинакового свойства. То самое старание «объединить», «осчастливить» человечество, привести его к «свету» в рамках единого всемирного государства. А будет это всемирная республика коммунистического труда или национал-социалистическое «ариобесие» — совершенно неважно.

— Я вам просто поражаюсь. Вы же всё знаете — и не верите! Как так?! А может, напрасно не верите, Яков Кириллович?!

— Может. Но восстановить в России легитимную власть — это никак не может быть антихристианской мыслью, батюшка!

— Что вы понимаете под легитимной властью, Вадим Викентьевич? Разве не достаточно нам было послеоктябрьской смуты, чтобы понять — существование, не определённое ни законом, ни мечем начальника, ставит человека перед выбором не между грехом и добродетелью, но между грехом большим и грехом меньшим! Человек будет грешить не по страсти, не по произволу, а просто по жизненной необходимости! Так это было уже — и к чему привело?!

— Так вы, отче, полагаете, что мы новую смуту готовим? — настойчивость священника начинала Гурьева раздражать.

— Я не знаю, что вы готовите и, признаться, не горю желанием узнать. Я только думаю, что вам, Яков Кириллович, под силу раскатать всё, что угодно, и это несказанно меня пугает. Вас ведь назвали — Замыкающий Врата! А вы — отворяете!

— Чтобы затворить, как следует — заржавевшие петли ох как раскатать требуется, — пробормотал кавторанг.

— Сказано было как раз вовсе противоположное — не похож, — прищурился Гурьев.

— Так оборотитесь же, Яков Кириллович! Для того и сказано! Для того Господь и послал вам — и нам всем — это испытание, чтобы напомнить, предостеречь! Указать на то, что врата адовы не

отворять, а замыкать необходимо! Раскачать — вы говорите, Вадим Викентьевич?! А не от крови ли пролитой они заржавели, попусту и напрасно, утехи сатанинской ради, пролитой?!

— То есть вы боитесь.

— Именно что боюсь. Конечно, боюсь. Боюсь и желаю, всю душой страстно желаю, чтобы вы именно чину Замыкающего, вам, по моему разумению, свыше пожалованного, несмотря на вашу вроде бы — якобы! Яков же вы! — непохожесть, соответствовали! Замыкающего — не отворяющего! Как же вы, Яков Кириллович, Царство Христианское строить собираетесь, если сами... даже в Бога не веруете?!

— А это обязательно? — без всякого сарказма поинтересовался Гурьев. Напряжение последних месяцев — месяцев?! — кипело в нём, требуя выхода. — Я же не собираюсь Христианским Царём становиться. Ни Боже мой. Мне это без нужды, знаете ли. А вы все — христиане, да ещё и верующие, и, что уж совсем замечательно — православные. Вот только царство вы строить разучились. Терять — научились, а строить... Придётся вам наставника нанять. Со стороны. Он, конечно, царства для вас не построит — не нужно это, богопротивно, я бы сказал, царство кому-то строить, чтобы этот кто-то на готовенькое царство пришёл и в нём уселся. Нет. Самим надо, непременно самим. Но навыки нужные заставит вспомнить, объяснит, что к чему в царствостроительстве организовать, так, чтобы и рыбку съесть, и косточкой не подавиться. Ну, а сам он — всего-то сбоку припёка, технический консультант. Он даже денег не возьмёт столько, сколько следовало бы запросить. Не то, чтобы он цены своей не знает — знает, очень хорошо знает. Только не нужны ему будут ни алмазы пламенные, ни палаты каменные. Мечи его всегда прокормят, пропасть не дадут. Вот потом и возьмёт он свою дорогую маленькую девочку, — Гурьев встал позади Рэйчел и положил ей руки на плечи, а она, повернувшись, подняла на него свои сияющие, полные слёз глаза. Гурьев ободряюще улыбнулся ей и повторил: — Возьмёт он свою дорогую маленькую девочку за руку — и уйдёт с ней, куда им обоим вздумается, на восход или на закат, на полночь или на полдень. Он научит вас равновесие установить и удержать, — с него и хватит. — И он наклонился к уху Рэйчел: — Пойдёшь со мной, девочка моя дорогая?

— Пойду, — кивнула Рэйчел. — Пойду, Гур.

Гурьев вздрогнул — нечасто она так называла его. Впервые — прилюдно.

— Господи, Яков Кириллович... Да что ж это такое... Нельзя же так... Кто же вас гонит-то?! Ах, Боже ты мой, да что же я такое говорю...

— Не гонят сейчас — погонят потом, — Гурьев присел на подлокотник её кресла, и Рэйчел вцепилась обеими руками в его руку так, словно боялась — он вот-вот улетит. — Мы это уже проходили. Да, девочка моя родная?

— Проходили, Гур, — шёпотом подтвердила Рэйчел. Говорить громче она не могла из-за слёз, сжимавших ей горло. — Проходили, конечно.

— Вот видите, отче, — бестрепетно улыбнулся Гурьев. — Девочка моя понимает меня — чего же мне ещё надо от этой жизни? Уверяю вас, отче — ничего. Ровным счётом.

Твоя девочка тебя понимает, Яшенька, подумала Рэйчел. Потому что она — твоя. Поэтому. Только твоя — и ничьей больше никогда не была и не будет. Не будет — и тебя никому не отдаст.

Рэйчел вдруг встала и шагнула вперёд, заслонила Гурьева собой. И голос её, поднявшись к сводчатому потолку каминного зала, обрушился на всех присутствующих, как невыносимая тяжесть самого Неба:

— Я понимаю. Лучше всех понимаю! Я знаю — и попрекнут, и погонят. И скажут: богатство твоё несправедное. И скажут: крови пролил — море, и головы рубил — не считая, и женщин любил — никого не спрашивал! А то, что упрашивали, умоляли — приди, помоги, оборони, выучи! — забудут. Забудут сразу и накрепко, словно и не было ничего. Ты прав, Гур. Именно так всё и случится. Поэтому ты уйдёшь — прежде, чем они сказать такое посмеют, а я — уйду с тобой. Нам с тобой ничего ведь от них не нужно, правда? Только прошу тебя — давай уйдём сейчас. — Она повернулась к нему. — Прямо сейчас.

— Я не могу, родная моя, — глухо проговорил Гурьев, тоже вставая. — Я слово давал.

— Они не стоят твоего слова!!!

— Ты стоишь, родная моя. Честь стоит. Родина стоит, Россия. Да и люди, в общем-то, не виноваты. Прости меня. Я так не смогу. Но в одном ты совершенно права: сейчас нам точно пора уходить, и пусть закончится этот разговор. — Он уже полностью взял себя в руки и обнял Рэйчел, которую колотила нервная дрожь, прижал к себе. — Пойдём, моя девочка. Утро вечера мудренее, и... Я с тобой. Идём. Спокойной ночи, господа.

Гурьев почти насильно увёл её — и не позволил оглянуться. И не оглянулся сам. Двери за ними закрылись, затворились беззвучно, словно те самые ворота, и в зале повисла такая тишина, что её можно было резать ножом и раскладывать по тарелкам. Трое, оставшиеся сидеть в креслах у камина, никак не могли набраться мужества взглянуть друг на друга.

* * *

Ватикан. Сентябрь 1934 г.

— Просыпайтесь, падре, — тихо проговорил Гурьев, увидев, как дрогнули веки понтифика. — Нам нужно о многом поговорить.

Он воспользовался одним из своих излюбленных и проверенных приёмов — появляться перед человеком в последней фазе третьего или четвёртого ночного сна, когда сознание занято углублённой переработкой пережитого за день. Этот приём лишал жертву какой бы то ни было воли к сопротивлению, а на людей верующих или мистически настроенных действовал просто безотказно.

— Доброй ночи, падре, — печально улыбнулся Гурьев, наблюдая, как близорукие, ещё мало что понимающие глаза Пия Одиннадцатого пытаются нашарить на его лице ответ на вопрос, кто же он такой и откуда взялся в папских покоях. — Вот ваши очки. Надевайте, я подожду. Свет мы зажжём немного позже.

Он специально подгадал свой визит к полнолунию. Погода ему благоприятствовала — небо было чистым, и спутница Земли в её вечном беге вокруг Солнца превосходно освещала помещение через высокое окно с предусмотрительно раздвинутыми шторами — без всяких свечей или электричества.

— Кто вы такой? — надев очки и тем самым почувствовав себя чуть увереннее, осторожно спросил понтифик. — На вас одежда священника, но вы, конечно же, не священник...

— Нет, — Гурьев, освободив фиксатор, удерживающий Близнецов в ножнах-рукоятях, нарочито рассеянно, ритмически раздвигал на пару дюймов и снова сдвигал нестерпимо бликующие в лунном сиянии клинки. — Нет, конечно же, я не священник. Хотя иногда чувствую себя так, словно должен был им стать. А вы, падре?

— Что?! — изумлённо пробормотал римский епископ, чувствуя, что не в силах оторвать взгляд, примагнитившийся к завораживающему мерцанию стали.

— Я спрашиваю вас, падре, — священник ли вы? Может ли человек, много лет бывший префектом Ватиканской библиотеки, — дипломат и учёный, нунций Святого Престола в Польше в дни наступления коммунистических орд на Варшаву, — человек, ожидавший шанса обсудить с Троцким и Лениным возможность с их помощью создать «католическую Россию», — человек, захотевший получить сокровища русской церкви в обмен на помощь голодным, чтобы сохранить эти сокровища от потока и разграбления, — человек, купивший у очень уж странных посредников, не задавая как будто бы лишних, неудобных вопросов, Одигитрию Софийскую, — человек, отстаивавший независимость Града Святого Петра от грязных лап фашистов, — может ли этот человек называть себя верующим? Или, больше того, — священником? Расскажите мне, падре.

— Вы ждёте от меня исповеди? — усмехнулся понтифик. — Но ведь вы же сами сказали: вы — не священник.

— И всё же я готов выслушать вас, падре, — Гурьев наклонил голову к левому плечу. — Я знаю, что после вашего рассказа я больше никогда не смогу избавиться от иронии и сарказма по отношению к предыдущим и последующим наместникам Апостола Петра. Собственно, я и без того недостаточно почтителен. Но, право же, трудно ожидать почтительности к символам от людей, таких, как вы и я, — людей, слишком хорошо знающих, как отличается реальная история христианства вообще и Римской церкви в частности, от того, что рассказывают бедным маленьким человечкам с амвонов храмов и университетских кафедр. От людей, представляющих себе, какой массив свидетельств, живых и бумажных, навсегда похоронен под спудом веков ради ничтожных, бесконечно ничтожных миражей — власти и денег. От людей, знающих, до каких высот поднялся, несмотря на это, вопреки всему, человеческий дух. От людей, всей поверхностью кожи ощущающих нависшую над этим миром угрозу. Я слушаю вас, падре.

В полном молчании текли минуты. Гурьев ждал, опираясь на меч и глядя на сидящего на ложе понтифика. Пий Одиннадцатый молчал, время от времени надевая и снимая очки. Гурьев не торопил его. Тишина в папской спальне нарушалась лишь звуками, издаваемыми мебелью под тяжестью человеческих тел. Наконец, понтифик поднял на Гурьева глаза:

— Видимо, мне нечего вам сказать. Ничего нового — во всяком случае. Вряд ли я смогу переубедить вас... Но, похоже, вам есть что сказать мне. Мне не кажется, будто вы... хотите моей смерти. Собственно, я не слишком боюсь.

— Нет, падре, — улыбнулся Гурьев. — Боятся все, но в этом страхе нет ничего недостойного. Недостойно позволять страху овладеть собой. И, конечно же, я пришёл не затем, чтобы оборвать нить вашей жизни. Наверное, вы понимаете: я легко могу сделать это и уйти — так же легко. Но я хочу совсем иного. И мне действительно есть, что сказать вам.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу заключить с вами соглашение. Соглашение, которое останется в полной тайне. Конкордат. О нём будем знать только вы и я. И оба станем неукоснительно его соблюдать. Независимо от того, верите вы в Бога или не верите, падре, священник вы или нет, — мы можем договориться.

— О чём?!

— О том, чтобы не нарушать равновесие. Ибо это самое главное условие существования мира и нас в нём — равновесие.

— И... что я могу для этого сделать?

— Для начала — выслушать настоящую историю раскола*⁴.

— Вы полагаете, она мне неизвестна?! — изумился понтифик. — Не можете же вы быть настолько наивны!

— История — это не только факты, падре. История — это выводы. А их почему-то не сделал никто, хотя факты многим известны. Я начну — и это, поверьте, займёт куда меньше времени, чем вам сейчас кажется. А потом вы спросите меня обо всём, о чём только захотите. Договорились?

— Мне кажется — вы гораздо старше, чем можно было бы предположить по вашему лицу.

— Общение с теми, кого называют «сильными мира сего» — тяжкий труд, и не проходит бесследно, — усмехнулся Гурьев. — Скоро это начнёт отражаться и на лице. Не думаю, что это сильно понравится моим близким, но мне самому это знание не причиняет беспокойства.

— У вас есть близкие? Кто же они?

— Есть, — кивнул Гурьев. — Очень близкие, падре. Близкие настолько, что ради них я и решился на этот разговор.

— Вот как.

— Да, это так. Дайте мне вашу руку, падре.

— Зачем?!?

— Дайте, — потребовал Гурьев таким тоном, что понтифик поспешно протянул ему руку.

Гурьев нащупал пульс и долго слушал его, не шевелясь, прикрыв глаза. Молчал и растерянный, окончательно сбитый с толку понтифик. Наконец, Гурьев осторожно положил его руку ему на колено и произнёс:

— Вы очень больны, падре. Я уже не смогу помочь вам — по-настоящему помочь. Слишком поздно. У вас впереди — лет пять от силы. Я могу ошибаться — но как в ту, так и в другую сторону. Хорошенько подумайте: ведь всё, что останется после вас — это только память, и ничего больше. Вы сможете жить только в тех, кто будет помнить о вас. Для настоящих злодейств вы слишком горячи, но слишком теплохладны для настоящего добра. Но если вы хотя бы сейчас примете правильную сторону — о вас будут помнить, и станут вспоминать о вас добрым словом. Это само по себе — ох как немало, падре.

— Правильную? Это значит — вашу?

— Да, — спокойно ответил Гурьев. — И вы это знаете. Уже знаете. Ложитесь и закройте глаза.

— Зачем?!

— Я немного помогу вам. А потом вы выслушаете меня, и мы кое-что обсудим. Я не в состоянии терпеть, когда могу помочь человеку — я всегда должен сделать это немедленно. А дела всегда могут подождать.

Гурьев, дождавшись, пока понтифик вытянется на ложе и закроет глаза, закатал рукав, снял браслет с иголками и развернул его:

— Сейчас вы почувствуете слабые уколы в ушах, на лбу и на запястьях. Не двигайтесь до тех пор, пока эти слабые, но явственные ощущения, похожие на те, что возникают при электротерапии, не исчезнут. Когда почувствуете, дайте мне знать.

---

⁴ Раскол — разделение единой христианской Церкви на Восточную (Византийскую, Православную, Греко-Католическую) и Западную (Римскую, Римско-Католическую), официально оформившееся в 1054 г.

Расставив иглы, Гурьев поднялся, подошёл к стене и повернул выключатель, отрегулировав его так, чтобы свет не беспокоил лежащего в кровати пожилого человека с высоким лбом и глубокими вертикальными складками у носа и губ. Вернувшись к ложу, он снова сел и стал ждать, сцепив руки в замок на рукояти меча. Он умел ждать.

Наконец, понтифик едва заметно пошевелился:

— Кажется, всё...

— Хорошо, — Гурьев быстро вынул иголки и протёр лицо, уши и запястья понтифика комочком ваты, смоченным в эфире. — Это немного подкрепит вас. Правда, увы, повторюсь — ненадолго. Вы почувствуете себя лучше уже утром.

— Вы... врач? — спросил понтифик, с благодарностью взглянув на Гурьева, который протянул ему руку, чтобы помочь усесться снова.

— Врач? Нет. Скорее, немного лекарь. Во многих смыслах.

— Я хотел бы пересесть к окну. Мне кажется, нам так легче будет разговаривать.

— Хорошая мысль, падре, — согласился Гурьев, помогая понтифику теперь сойти с кровати и перебраться в кресло.

Со стороны картинка выглядела вполне мирно, даже идиллически — два прелата, молодой и преклонных лет, засиделись за важным теологическим разговором далеко за полночь. Только всё всегда на самом деле далеко не так, как кажется.

— Так вот, падре. Речь моя будет очень, очень короткой. А вывод — ещё более коротким и простым. Вы удивитесь, насколько он прост. Но в этом нет никакой сверхъестественной мудрости. Я всего лишь начал с самого главного. С Царского Рода. С меры Суда. И всё встало на свои места, падре.

— Царский Род?!

— Да, падре. Царский Род. Меровинги. Меровинги, как династия, их признанное общественным мнением, если позволено мне будет такой термин употребить, родство с Иисусом, пусть даже и мифическое — это большого значения в нашем случае не имеет, — стало восприниматься римской, прежде всего, церковью, как угроза её духовному авторитету. Не знаю, кому именно из ваших предшественников пришла в голову эта мысль — возможно, она посещала не одного и не однажды. Я думаю, воспринимающая Иисуса как меру Суда и себя как его, Иисуса, духовное тело, церковь чувствовала себя неуютно рядом с плотью, если можно так выразиться, его потомков. Повторяю — неважно, являлись ли Меровинги деспотами в действительности или только в воображении людей. Очевидно, это мешало, смущало, сбивало с толку. А после того, как Богочеловечество Иисуса утвердилось в церкви на уровне догмата, существование неких людей, являющихся его детьми в прямом, физическом смысле, стало совершенно неприемлемым. Как говорится, тем хуже для фактов. Но только римский епископ Захарий решился поставить точку. Он нашёл того, кто мог нанести удар по Меровингам изнутри их собственного дома — Пипина Короткого. Предполагаю, — это задумывалось, как пролог к избиению арианских ересей. Вероятно, были и другие мотивы — установить это сейчас крайне трудно. Ну, а восточная ветвь, Византия, не признала этот шаг Захария. Потому что политика минуты была поставлена Захарием выше политики принципа. Так наметился раскол, который позже, спустя три столетия, оформился богословски, юридически и литургически. А потом было сделано всё возможное и невозможное для того, чтобы вот эту, главную, причину — присвоение меры Суда — затушевать, вычеркнуть из сознания людей. И благодаря этому разделение на Восточную и Западную традиции теперь воспринимается как спор свифтовских тупоконечников и остроконечников. А на самом деле — всё очень страшно, падре. И называется очень просто — предательство.

— Это действительно... очень коротко и понятно, — понтифик недоумённо приподнял брови и в смятении дотронулся пальцем до оправы очков на переносице. — Неужели вы в самом деле думаете, что это, как вы называете, предательство Церкви...

— Римского епископа Захария*⁵.

— Хорошо... Святого Захария по отношению к Хильдериху послужило основой раскола?!

— Я уверен в этом, падре. Предательство было тяжёлым решением для Захария, но он принял его потому, что хотел вовсе не святости, а власти. Власти над церковью, а значит, и над всем миром,

---

⁵ Майордом (управитель) Пипин Короткий, подавив внешних и внутренних врагов Франкского царства, решил уничтожить и самую династию Меровингов, которая в его понимании совершенно «не соответствовала занимаемой должности», т. е. царствовала, но не управляла. После переговоров с папой Захарием II (Св. Захарий), Пипин был помазан и провозглашен королем. Последнего Меровинга, Хильдериха III, Пипин остриг (цари Мерovejской династии с рождения не стригли волос, как «назореи (посвященные) Господу») и заключил в монастырь (ноябрь 751 г.).

согласно тогдашнему пониманию. Он уже знал, что Константинополь не подчинится. И всё равно сделал это. Конечно, противоречия между западной и восточной ветвями уже имели место, но не были необратимыми. А после — стали. А теперь подумайте о России, падре. О Рюрике и его потомках. О том, почему, зачем, чего ради бились, как волны прибой, рыцарские ордена Римской церкви, стремясь поглотить, смыть начисто, сделать небывшей Русь — последнюю крепость, последний оплот Царского Рода. О Бодуэне, короле Иерусалима. О четвёртом Крестовом походе, закончившемся разграблением и сожжением Византии. И о многом, о многом другом, падре, что было вызвано к жизни этим самым предательством. О Наполеоне, о Гитлере и о Ленине. И вам, уверяю вас, многое станет понятно. В том числе и ваши собственные устремления и поступки. А главное — подумайте о том, кому это нужно. Кто стоит за всем этим. Кто выигрывает от этой смуты. Чья власть укрепляется ею день ото дня.

— Я... мне трудно так однозначно судить...

— А мне — легко, — возразил Гурьев. — Надо мной не висит груз повседневных забот понтификата, а, кроме того, у меня совершенно свежий взгляд, взгляд со стороны. И от греха властолюбия вы тоже отнюдь не свободны, падре.

— А вы?

— Падре, я не стану разворачивать перед вами всю картину — поверьте, я легко мог воспользоваться целым рядом обстоятельств и инструментов, имеющихся в моём распоряжении, чтобы объявить себя наследником Российского престола и добиться соответствующего признания в качестве такового. Я не стал этого делать по одной-единственной причине: каким бы великим стратегом и выдающимся тактиком я не был, каким бы правым себя не считал, сколько бы людей не были бы готовы закрыть глаза на несообразности и какими бы благородными не являлись мои побуждения — это узурпация. Узурпация и предательство. Я не боюсь нарушать законы и делаю это постоянно. Но у меня есть принципы, падре. Мне кажется, они есть и у вас.

— Это... Невероятно.

— Вовсе нет. Но предательство — это не мой принцип. А святой Захарий... Римская церковь так никогда и не избавилась от этого страшного наследия. Предательство Царского Рода — это не просто предательство, хотя и просто предательство — вещь, в которой стоит от всей души раскаяться. Но то, что сделал Захарий — это попытка разрушить механизм осуществления принципа Суда. Пипин не был первым бунтовщиком. Беда в том, что он оказался первым по-настоящему удачливым. И всю остальную историю творили под тяжестью этого предательства, этого бунта, под гнётом этого преступления, падре — преступления через заповедь Суда. И сейчас, — Гурьев стремительно наклонился к понтифику, — я могу дать Римской церкви шанс. Настоящий, большой исторический шанс. Но — единственный и последний. Надеюсь, вы не захотите упустить его, ваше святейшество.

— А вы впервые обратились ко мне так вежливо, — чуть улыбнулся Пий Одиннадцатый.

— Мне показалось, что это добавит вам немного уверенности, — улыбнулся Гурьев в ответ. — Вы ведь не боитесь меня, падре?

— Почти нет. Хотя верю, что людей, которые не боятся вас вовсе, очень и очень немного.

— Ну, что вы, — Гурьев покачал головой. — У меня много друзей. И много тех, кто идёт вместе со мной не за страх, а за совесть. А противникам — настоящим противникам — я не позволяю перестать бояться меня и уж тем более — успеть осознать это.

— Простите меня... Мне почему-то кажется, что не только политика привела вас ко мне. Есть что-то ещё...

— Есть, падре, вы правы. Я ждал, спросите ли вы об этом.

— Хорошо, что я спросил? Или плохо?

— Отлично, — улыбнулся Гурьев. — Замечательно. Именно то, что нужно. Видите ли, падре, вся эта средневековая дичь касается моих близких.

— Тех самых?

— Да. Женщину, которую я люблю, и её родного брата. Судя по всему, Захарий и Пипин договорились уничтожить всякое семя Царского Рода на земле. Им очень многое удалось — не всё, но многое. Так вот, эта женщина и этот мальчик — их тоже пытаются убить. Подождите, — Гурьев остановил понтифика, вскинувшего голову, чтобы что-то сказать. — Я знаю, что давно нет никакого писаного приказа. Нет никаких документов. А даже если и есть — никто не в силах отменить приказ нелюдей, отданный нечисти, падре.

— Что?!

По мере того, как Гурьев излагал историю злоключений Рэйчел, выражение неизъяснимой муки всё явственнее проступало на лице понтифика.

— Боже мой, — проговорил Пий Одиннадцатый, когда Гурьев умолк. — Этого просто не может быть. Святой Захарий... Нет, нет, я вам верю. Но как он мог?! Боже мой, как он мог решиться на это?!

— Я не знаю, кто решился на это, падре. Я не пришёл сюда обличать или обвинять. Мне просто нужно понимание. И помощь. Возможно, это произошло позже. А может, раньше. Нет никакого способа это установить хоть сколько-нибудь достоверно. Но эта женщина и этот мальчик — они мои близкие, падре. И ради того, чтобы сохранить их жизни, я могу и буду убивать столько, сколько потребуется.

— Ну, это хотя бы честно... — Понтифик оперся на массивный подлокотник. — Это честно. Знаете, если бы вы не заговорили об этом... Если бы речь шла только о политике... Мне было бы куда тяжелее поверить вам. А теперь, когда я знаю, что всё это — куда более личное, чем... И ещё. Ваша убеждённость задевает меня. Гораздо больше, чем мне хотелось бы в этом признаваться. Почему-то с вами легко говорить... Это странно, вы не находите?

— Нет. Не нахожу. Это обычное дело. Случается со всеми, кому довелось поговорить со мной. И я люблю повторять: у вас есть два пути — поддержать меня и воспротивиться мне, попытаться помешать. Я мог бы двигаться путём сложных, многоходовых интриг — это возможно, но утомительно. И я всегда «иду на вы» — так говорил величайший из древних князей моей Родины, Святослав, сын Игоря из рода Рюрика Сокола, потомка легендарного Меровея и троянских царей. Два пути, падре. И оба они ведут вас к одному и тому же: к убеждению в моей правоте. В первом случае вы — мой друг, а во втором... Во втором я не советовал бы никому оказаться.

— И это честно, — удивлённо и задумчиво проговорил понтифик. — И что же я могу сделать, чтобы стать вашим другом?

— Вам придётся немало постараться для этого, падре. Пообещайте вернуть Одигитрию туда, где ей положено находиться, — не сейчас, но немедленно, как только я напомню вам о необходимости сделать это.

— Где положено? — осторожно спросил понтифик. — Где?

— В иконостасе Софийского Собора в Константинополе, естественно, — усмехнулся Гурьев. — Как вы могли подумать, падре, что я заведу речь о частной коллекции какого-то английского аристократа?! Неужели я произвожу такое жалкое впечатление?

— Вы... не шутите?!

— Разве такими вещами шутят? — удивился Гурьев. — Неважно, во что я верю или не верю. Неважно, во что верите или не верите вы. Есть время и место, падре. Об этом следует помнить.

— Клянусь, — понтифик осенил себя крестным знамением. — Клянусь. Клянусь завещать это своему преемнику втайне от всех, кто может попытаться этому помешать. Что ещё?

— Я хочу навестить Урхельского епископа и сообщить ему о кое-каких планах моих друзей. Я хочу, чтобы он понимал — я всё равно сделаю так, как мне нужно, но при этом у него есть отличная возможность сохранить со мной и моими друзьями безоблачные, более чем приятельские отношения. Подробности вы узнаете — в своё время.

— Как мне сообщить ему о вас?

— Скажите, что его навестит человек с серебряными глазами.

Заглянув Гурьеву в лицо, понтифик содрогнулся и отвёл взгляд:

— Ужасно. Невероятно. Неужели это... Такое... возможно?

— Возможно ещё и не это.

— Хорошо, — по-прежнему избегая снова встречаться с Гурьевым взглядом, кивнул понтифик. — Я сделаю это утром, не откладывая.

— Благодарю. И, падре: мне очень хотелось бы узнать, где мальтийские рыцари спрятали то, что ищут мои противники: а именно, — какую дверь открывает моё кольцо. Если получится узнать, что они спрятали — это было бы просто отлично.

— Этого я не могу вам обещать, — в сомнении покачал головой Пий Одиннадцатый. — Я приложу все усилия, но мальтийцы умели прятать концы в воду.

— Я знаю. Мне достаточно вашего слова в том, что вы будете стараться.

— Как я найду вас?

— Подумайте обо мне, — улыбнулся Гурьев. — А потом свяжитесь с японской миссией — в любой стране — и скажите, что у вас есть новости для Хатимана. Они найдут способ передать мне известия от вас — гораздо быстрее, чем это в принципе возможно.

— Ну, теперь я уже вообще ничего не понимаю, — понтифик снял очки и снова надел их. — Хатиман — это вы?!

— Многие думают так, и я вовсе не тороплюсь их разубеждать. Хатиман — это бог-кузнец.

— Ах, так это... — понтифик покосился на меч в его руках.

— Есть и более веские доказательства, — кивнул Гурьев. — Если вы когда-нибудь увидите рядом с собой большого беркута — не удивляйтесь, хотя он очень большой. А когда у вас возникнет очень странное, прямо-таки пугающее ощущение, что беркут каким-то непостижимым образом похож на меня — не бойтесь и не удивляйтесь тем более.

— Беркут?!? — переспросил понтифик. — Вы сказали — беркут?! Орёл?!

— Да, — кивнул Гурьев. — Тот самый, с вашего герба, падре.

— Так не бывает, — без улыбки посмотрел на него понтифик.

— Чтобы человек оборачивался геральдической птицей? Конечно, нет. Это антинаучный бред, недостойный не только обсуждения, но даже и упоминания иначе, кроме как в шутку.

— Вам никогда не говорили, что вы — сумасшедший?

— Меня постоянно пытаются убедить в этом, но ничего не выходит.

— Да. Было бы удивительно, если бы кому-нибудь так повезло... Будем считать, мы и об этом договорились.

— Когда к вам обратится человек, который покажет вам вот это, — Гурьев положил на стол жетон, — я хочу быть уверен, что вы поможете этому человеку, или этим людям, всем, чем можете. Они не потребуют у вас слишком много или того, на что вы не способны — но то, что вы сможете, вы сделаете до самого последнего предела. И эта маленькая вещица напомнит вам утром о нашей беседе и послужит зримым и осязаемым доказательством того, что всё происходящее сейчас — не ночной кошмар.

— Хорошо, — медленно кивнул понтифик, рассматривая жетон с изображением креста и сокола. — У меня тоже будет к вам просьба... я даже не знаю, как правильно к вам обращаться.

— Называйте меня Сантьяго, — улыбнулся Гурьев. — Я прибыл в Рим под этим именем — пусть так и будет. Я слушаю, падре.

— Хорошо, синьор... Сантьяго, — понтифик осторожно положил жетон обратно на стол. — Надо же, я только сейчас осознал, что всё это время мы беседовали по-итальянски... Я не уверен, что мы справимся со всем до того, как я предстану перед Господом. Поэтому прошу вас: когда мой преемник будет уже совершенно непоколебимо убеждён, что читает завещание окончательно выжившего из ума старика, дайте ему понять, что он — точно такой же окончательно выживший из ума старик.

— Обещаю, падре, — серьёзно кивнул понтифику Гурьев.

* * *

* * *

Виктор очнулся и попытался шевельнуться, но ничего не вышло. Шевелить он мог только головой, и то, как быстро убедился, в довольно-таки ограниченной степени. Он, тем не менее, повернул голову сначала влево, потом — вправо. То, что он увидел, повергло его в беспокойство. Страх он не испытывал — настоящего страха. Но... Виктора беспокоило, что он совершенно не помнил, как очутился в том положении, в котором находился сейчас — как и то, что рот был тщательно забинтован. Не слишком плотно, но ни заговорить, ни закричать не вышло. Он попытался ещё раз как следует оглядеться. Помещение было ярко освещено и представляло собой кубическую комнату практически без всякой мебели, если не считать за мебель кровать, в которой лежал сам Виктор, и металлический шкафчик, стоявший чуть дальше, чем следовало, чтобы до него можно было дотянуться лежащему на кровати. В стене справа от него угадывался проём двери — без косяков и порогов. В противоположной стене находилось нечто, похожее на массивный люк, выполненный как конструктивная часть стены. Помимо весьма необычных зрительных, присутствовала целая гамма весьма необычных ощущений иного рода. Во-первых, полнейшая, едва ли не осязаемая тишина. Во-вторых, чувство, что он находится внутри металлического сейфа наподобие банковского хранилища. В-третьих, непонятное лёгкое, почти незаметное, жжение в пенисе и в сфинктере. Чувство замкнутого пространства окончательно окрепло, когда Виктор понял, что помещение имеет металлические стенки.

Дверь распахнулась — медленно, как свойственно тяжёлой двери сейфа — и в помещение вошёл очень высокий молодой мужчина, одетый в нечто, напоминающее военную форму, безукоризненно подогнанную по его фигуре, представлявшей собой предмет чёрной зависти какого-нибудь античного дискобола. В руках у него были стул — обыкновенный, ничем не примечательный стул, из тех, что называют «венскими» — и массивная трость. Вошедший как-то очень ловко и необычайно быстро разбинтовал Виктору рот и сел так, чтобы Ротшильду не представляло чрезмерного напряжения смотреть на него.

— Здравствуйте, Виктор, — проговорил Гурьев, устраиваясь поудобнее и ставя Блинецов между колен. Знакомая вибрация хорошо ощущалась. — Можете называть меня «сэр», или «мистер», как вам больше нравится.

— Могу я называть вас «мистер ублюдок», сэр? — улыбнулся в ответ Ротшильд.

— Пожалуйста, — благосклонно кивнул Гурьев. — Это меня совершенно не трогает, как и все прочие оскорбительные прозвища на всех прочих известных вам, дорогой Виктор, языках и наречиях. У меня очень тренированная психика, и всякие детские фокусы, вроде громкого голоса, презрительных интонаций и так называемой обценной*⁶ лексики, на меня никак не действуют.

— Давайте проверим, мистер поганая сволочь.

— Сколько угодно, — Гурьев ослепительно улыбнулся. — Вам не кажется, что мы теряем время? У вас его совсем немного.

— Это у вас его очень мало, мистер урод. Разумеется, вы торопитесь, тупая скотина, потому что понимаете — меня будут искать. Мистер жопная дыра, сэр. Зато я могу подождать, вонючка.

— Да-а, — разочарованно протянул Гурьев. — Английский язык людей вашего круга и воспитания как-то довольно беден в определённом отношении, вы не находите? Вам следовало бы взять несколько уроков у докеров, интересы которых вы некогда жаждали защищать. Попробуйте немецкий или французский. Конечно, с идишем мало что сравнится, но вы вряд ли знаете что-нибудь по-настоящему занимательное.

— Знаю. Мамзер*⁷.

— Нет, это не идиш, — вздохнул Гурьев. — Это арамейский. И это не столько ругательство, сколько юридический термин. Но вы продолжайте, продолжайте. В конце концов, пять, даже десять минут ничего не решают принципиально. Вы устанете и разнервничаетесь, а это мне только поможет. Хотите, я вам кое-что подскажу? Вот, например: мискен, шмендрик, шмок, какер, пишер, лузер, шнорер, штинкер, пацлуах, кликер, алув, небех, цилайгер, кунилемл. Запомнили? Только интонацией подыграйте, чтобы всё прозвучало, как надо.

— Да, чуть не забыл: твоя мать — отвратительная гнилоротая шлюха.

— Виктор, вы, ей-богу, совершенно напрасно так надсаживаетесь. Пока вы придумываете что-нибудь новенькое, чего я ещё не слышал, я вам, так уж и быть, объясню, как работает механизм, которым вы не умеете пользоваться. Дело в том, что люди, как правило, обладают пережитками магизма в сознании, и явление это очень-очень древнее. Ругательства, проклятия — это не что иное, как попытка «испортить» человека, вывести из эмоционально-психического равновесия, чего иногда удаётся с помощью этих приёмов достичь. Ну, например. Если бы чья-нибудь мать действительно была, как вы выразились, очень некрасивой женщиной с плохим запахом изо рта и ужасной репутацией, то напоминание об этом, скорее всего, должно было бы пробудить у её сына неприятные воспоминания. Они могли бы, в свою очередь, спровоцировать выброс в кровь химических веществ адреналиновой группы, вызывающие физические реакции — так называемое «бешенство». Но, поскольку моя мать была просто образцом добродетели, обладала исключительно приятной внешностью и от неё, насколько я помню, всегда восхитительно пахло — как вы можете рассчитывать, что ваши слова на меня подействуют должным образом? Вы же видите — я улыбаюсь. И получаю удовлетворение оттого, что абсолютно верно рассчитал ваше поведение. Вам же следует знать, что сквернословие воздействует на того, кто сквернословит, в гораздо большей степени и самым неприятным образом. Таково уж свойство обращения за помощью к демонам, — Гурьев посмотрел на Ротшильда и кивнул. — Конечно же, вы можете продолжать, если хотите. Думаю, впрочем, вам быстро надоест.

— Ничего. Я попытаюсь продержаться несколько часов, мразь.

— Ну, как скажете, — Гурьев, продолжая улыбаться, чуть наклонил голову к левому плечу. — Мне кажется, вы так реагируете оттого, что не понимаете происходящего. Наверное, вы думаете, что

⁶ Обценный (от *лат.* *obscenus* — отвратительный) — неприличный, непристойный.

⁷ Мамзер — по иудейскому каноническому праву, ребенок, который зачат и рождён матерью-еврейкой, состоящей в браке с евреем, от другого человека, т. е. не от мужа. На все остальные случаи внебрачных или иных детей термин не распространяется.

вас похитили с целью выкупа или ещё ради каких-нибудь подобных смешных глупостей. Может быть, вам следует всё-таки сначала попытаться узнать, что происходит? Я, во всяком случае, именно так и поступил бы на вашем месте.

— А вы, конечно же, собираетесь любезно развеять туман моего неведения, мистер сраная подтирка, — саркастически усмехнулся Ротшильд.

— Разве я недостаточно любезен? — удивился Гурьев. — Странно, мне представляется, наоборот — довольно-таки вельми и зело. Вы совершенно правы, Виктор. Именно собираюсь развеять, и намерен сделать это достаточно любезно. Я могу начать?

— Попробуйте, мистер траханная сука.

— Благодарю вас, барон, — Гурьев обозначил некое подобие церемонного поклона. — Несмотря на ваше общее недоумение и растерянность, в одном вы пока что совершенно правы. Вас действительно будут искать. Больше того, вас уже ищут. Правда, совсем не там, где следовало бы. Есть мнение, что вас либо похитили коммунистические агенты, либо инсценировали похищение, чтобы обеспечить вам возможность добраться до Москвы, шпионом которой, по мнению доброй дюжины таблоидов, вы являетесь, о чём они не замедлили сообщить любопытной британской публике. На самом деле вы находитесь в замкнутом, полностью изолированном от окружающего мира помещении, где отсутствует даже вентиляция. Она осуществляется только через дверь. Воздуха здесь немного, так что, если активно расходовать кислород, например, громко крича или бурно двигаясь, немудрено впасть в сонливость спустя некоторое время — по мере увеличения доли углекислого газа в составе воздуха. Это является одной из причин того, что ваше тело и конечности очень надёжно закреплены на кровати, а кровать — на полу. Стены, пол и потолок помещения облицованы свинцовыми плитами толщиной в дюйм, стыки залиты свинцовым припоем и зашлифованы. За слоем свинца находится серебряная фольга, потом — монолитный железобетон. Вверху размещено окошко из толстого стекла с высоким содержанием серебра и свинца, за ним — очень дорогой и очень хороший киноаппарат, тщательно фиксирующий всё, что происходит в помещении. А также новомодная игрушка — мониторная телевизионная оптическая камера, позволяющая видеть происходящее на экране специального прибора. Вас никто не собирается держать здесь месяцы и годы, словно какую-нибудь Железную Маску. После того, как вы ответите на мои вопросы, мы, возможно, придём к консенсусу по поводу вашей дальнейшей судьбы. Если не ответите, то умрёте — довольно быстро. Ваши мочевой пузырь и прямая кишка, а также вена для инъекций, тщательно, с соблюдением всех правил медицинской науки и под местной анестезией, катетеризированы. Вас никто не будет пытаться мучить, насильно кормить-поить и так далее. Я также не испытываю никакого удовольствия, нанося людям — даже моим противникам — телесные повреждения, в том числе, как это называют медики, несовместимые с жизнью, и я, конечно же, не стану ничего подобного делать. К вам не будут заходить сердобольные сиделки для кормления с ложечки либо перемены белья и судна, наивные стражи, сопровождающие палачей, равно как и добрые доктора, сострадающие пациентам. Я — единственное живое существо, с которым вы будете общаться, да и то — недолго и лапидарно. Я внутривенно введу вам слабительное и мочегонное, после чего, вследствие полной дегидратации, ваш организм прекратит функционировать примерно через шестьдесят — семьдесят часов. Резервуар под вашим ложем рассчитан примерно на сто литров — больше в вас, мой дорогой барон, никак не наберётся. Примерно сорок — сорок пять часов после процедуры у вас сохранится шанс попытаться ответить на мои вопросы и вернуться к исходной точке, то есть к поиску консенсуса. Но потом критический пик будет пройден, и спасти вас вряд ли получится. Никакой игры в доброго и злого следователя, никаких устрашающих мероприятий — одним словом, никакого дилетантства, идиотизма и мистики. Сплошная технология.

— Что вам угодно? — сухо и преувеличенно спокойно спросил Ротшильд, стараясь сохранить остатки самообладания, и чуть улыбнулся. — Кстати, извините за оскорбительные прозвища, которыми я вас наградил. Я должен был попробовать.

— Никаких проблем, дорогой барон, — улыбнулся в ответ Гурьев. — Я же сказал, на меня это не действует. Мне угодно получить ответы на мои вопросы, а также некоторые предметы, которые, по моим сведениям, находятся у вас. Я понимаю, что вы осознали происходящее в достаточной мере для того, чтобы приступить к сотрудничеству, не так ли?

— Я вас где-то видел.

— Возможно.

— Вы из... разведки?

— Ну, вы даёте, Виктор, — изумлённо вскинув брови, покачал головой Гурьев. — Мне не хочется разрушать то хрупкое подобие взаимопонимания, что установилось между нами. Зачем вам

сведения, которые вы никогда и никак не сможете использовать? Да, я из разведки. Моей собственной, личной разведки. То есть я и есть разведка, контрразведка, а также государство, которое руководит этими службами. Это, право же, всё, что вам следует знать. У вас острый, аналитический ум, и вы прекрасно понимаете, что больше вам ничего узнать не удастся. Вы пытаетесь поиграть, потянуть время?

В следующее мгновение тело Ротшильда напряглось, а глаза закатились так, что сквозь трепещущие с нечеловеческой скоростью веки сделались видны лишь желтоватые белки глазных яблок в мелких красных и синих прожилках. Зрелище было отталкивающим и пугающим, но Гурьев, ожидавший чего-то подобного, даже немного подался вперёд, чтобы получше видеть происходящее. Близнецы отозвались в ладони сильной вибрацией. Давай, поговори со мной, подумал Гурьев.

— Отпусти меня, — глухое, лишённое интонаций рычание, низкое и отзывающееся пульсирующей вибрацией Близнецов, раздалось из глотки Ротшильда.

— Нет, — поджал губы Гурьев, вставая и обнажая клинки.

— Отпусти меня, — рычание сделалось ещё более низким.

Гурьев не стал утруждать себя ответом. Он ждал.

— Отпусти меня, — повторил голос немного тише. — Моё имя — Ардзаа. Отпусти меня.

— Выходи, — спокойно сказал Гурьев. — И попробуй уйти.

— Отпусти меня, — рычание, казалось, наполнило всю комнату. — Я убью твою шлюху. Убью щенка. Убью всех.

— Уй, — Гурьев сложил губы трубочкой и сморщился, копируя интонации какой-нибудь торговки рыбой с одесского Привоза. — Йа фсся дражку. — И усмехнулся, не испытывая ничего, кроме удивления: — Ты что, пугаешь меня, зверёк?

— Отпусти меня, — рёв раздавался на пределе, так что Гурьев уже начал беспокоиться — сидящее внутри Ротшильда нечто, пытаясь воздействовать на психику модуляциями воздуха, проталкиваемого через гортань и связки, могло не на шутку повредить достаточно нежные ткани. — Отпусти.

— Эй, зверёк, — почти ласково произнёс Гурьев. — Советую вести себя потише, ты ему всё там порвёшь. У тебя была возможность удостовериться, что фокусы, рассчитанные на монахов святопупского монастыря или бобруйских цади́ков, на меня не действуют. Хочешь поиграть? Возвращайся назад, с его мозгами и волей у тебя может получиться выйти отсюда внутри этого тела. А так — извини, никаких шансов.

— Это не я. Отпусти.

— Ах, не ты?! — радостно удивился Гурьев. — Какая прелесть. А кто?

— Алоай. Отпусти.

Ну и чепуха, подумал Гурьев. Да это же просто не может быть правдой. Однако...

— Я сказал, что тебе следует делать. Выходи или возвращайся. Это всё, — Гурьев прищурился, ощущая — или всё-таки видя? — едва заметный «туман», окутывающий тело Ротшильда.

Секунду спустя тело Виктора обмякло, голова безвольно свалилась набок. «Туман» исчез, и рукояти перестали пульсировать, вернувшись в состояние лёгкой, но ощутимой вибрации. Гурьев, сложив мечи, откинул тонкое одеяло и проверил пульс, оказавшийся вполне пристойным — пульс человека, находящегося в глубоком обмороке. Покачав головой, Гурьев поднял глаза в угол комнаты, где находилось окошко с объективами, и помахал ладонью — всё в порядке. И вышел.

В «тамбуре», отделявшем комнату узника от коридора и прочих помещений, Близнецы «успокоились». Удовлетворённо кивнув, Гурьев повернул маховик замка, распахнул дверь и шагнул в коридор.

* * *

В «караульной» его уже ждали — два «курсанта», отец Даниил и Ладыгин. «Курсанты» смотрели на маленькие, расположенные за мощными, наполненными водой стеклянными линзами, экранчики приборов, похожих на осциллографы. Изображение комнаты с Ротшильдом, конечно, оставляло желать много лучшего, но на безрыбье и ёрш — стерлядь, подумал Гурьев. Вот только лица присутствующих ему не понравились.

— Что это вы, господа мои, — намеренно пропихивая насмешливые интонации в голосе, проговорил Гурьев, — такие серьёзные? Бабы-яги испугались? Не ожидал от вас, господа офицеры.

Да какая-нибудь товарищ Землячка*⁸, не закованная в железа да не опоенная бромом до надлежащей кондиции, пожалуй, поопаснее будет, чем эта карикатура. Вот не ожидал, господа, не ожидал. А вы что, батюшка?

— Господи, спаси и помилуй, — священник перекрестился, и его примеру, словно очнувшись, последовали остальные.

Гурьев воздел очи горе:

— Я услышу что-нибудь конструктивное сегодня, господа?!

— Услышите, Яков Кириллович, — пообещал священник, пристально разглядывая Гурьева. — Непременно услышите, можете не сомневаться.

— Что вы на меня так смотрите, отче? — уже почти в самом деле раздражаясь, произнёс Гурьев. — А-а-а, понимаю. Согласно вашим сведениям, почерпнутым из крайне достоверных источников, демоны боятся только двух типов сущностей: архангелов либо демонов высшего порядка. Ну, и кем же вы меня числите? Очень, очень интересно.

— Числю вас необыкновенно язвительным молодым человеком, Яков Кириллович, — без улыбки ответил священник. — Веселья, однако, разделить не могу.

— Ну, не надо, — пожал плечами Гурьев и плюхнулся в кресло. — Владимир Иванович?

— Что он... говорит?

— Просился погулять. Обещал «ффссехх уппить». Надувал щёки барона, пускал ветер, правда, спасибо, только изо рта. В общем, жалкая, ничтожная личность, — увидев, что надлежащий эффект достигнут, и лица у присутствующих несколько смягчились, Гурьев удовлетворённо кивнул: — Этот зверёк оказался даже вежливее предыдущего, он...

— Молчите! — резко наклонился к нему священник. — Не произносите даже мысленно! Он назвался?!

— Да, — Гурьев улыбнулся. — Не только назвался сам, но и любезно сообщил имя предыдущего визитёра.

— Я так и знал, — пробормотал Ладыгин. — Так и знал. Я думаю, имя — это некий код информационной структуры, некая ключевая комбинация, произнеся которую, его... можно вызвать... переместить... Например... в себя... Господи, помилуй!

— Так он что же, рассчитывал, будто я, потрясённый тем, что мне открыто — ах, ох, ух! — имя демона, начну его склонять и спрягать на все лады?! И тем самым... — Гурьев прищурился. — Нет, что-то в этом, конечно же, есть. Неужели он на это рассчитывал?

— А вы... не собирались? — спросил священник, не сводя с него взгляда.

— Это когда вы на меня заорали? — приподнял Гурьев правую бровь. — Ну, я не так глуп, как вам могло бы показаться, отче. Или вы опасались, что он «зачепился» и сейчас «потянет меня за язык»?

— Представьте себе, опасался, — кивнул священник. И продолжил задумчиво: — Всё-таки странно. Ведь он не может не понимать, что иного выхода, кроме другого тела, у него нет. Почему он не попробовал?

— Потому что там были не вы и не я, батюшка, — сказал Ладыгин. — А Якова Кирилловича, да ещё при мече, они боятся.

— А вы что молчите, господа? — обратился Гурьев к офицерам. — Хочу услышать и ваши соображения.

— Нет никаких соображений, Яков Кириллович, — щёлкнул каблуками Карташев. — Пока нет. Слишком мало сведений. Согласен с господином Ладыгиным и батюшкой в том, что имя называлось с умыслом принудить вас к произнесению оногo. Всё остальное не заслуживает доверия.

— И я не расположен ему доверять — даже в том, что касается их пресловутых имён, — Гурьев провёл тыльной стороной ладони по подбородку. — Вообще, всё это напоминает дешёвую оперетку, вы не находите?

— Нет, — отрезал священник. — Не нахожу. Что вы собираетесь предпринять?

— Собираюсь вколоть ему стимулятор и попробовать разговорить. Может, зверёк, как следует испугавшись, заставит нашего «красного барона» распеться.

— Вы что, не понимаете, насколько это опасно?!

---

⁸ Розалия Землячка — одна из главных руководителей (вместе с Бэлой Куном) карательных акций, массовых бессудных расстрелов, проводившихся в Крыму после эвакуации Белой армии. Жертвами Землячки и Куна стали огромное количество офицеров армии П. Н. Врангеля, которые, поверив обращению М. В. Фрунзе, обещавшего им прощение, сдались красным. Их уничтожение принимало кошмарные формы, в т. ч. их грузили на баржи и топили в море.

— Отче, ему совершенно некуда там деться, — мягко проговорил Гурьев. — Вы уже убедились, что работает и меч, как детектор, и применяемые мною методы. Как только я сообщил ему о его шансах, он тут же вылез и начал, как говаривал в таких случаях мой дедушка, «казать мне козу». Уси-пуси. Обхохочешься, на самом деле. И я совершенно не понимаю, почему следует бояться какого-то солитёра. Вы как хотите, а я считаю, что это просто какой-то неизвестный науке тонкий паразит, и ничего больше.

— Науке сии паразиты, возможно, и не известны, — покачал головой священник. — Зато пастырям Церкви известны, и известны весьма неплохо. Вплоть до классификации и иерархии таковых... паразитов. И дело не в опасности этих падших духов для вас лично, Яков Кириллович. Дело в том...

— Что непонятно, как же сей дух может бояться человека, не причастившегося святых тайн и в жизни не побывавшего на исповеди, а также несущего совершенно невместный, с точки зрения богобоязненного пастыря, груз смертных грехов, среди которых самый малый — половая жизнь вне брака, — с улыбкой закончил Гурьев. — Фи, отче. У меня всё время такое чувство, будто вы меня боитесь. Я потому и пытаюсь вас рассмешить, что мне это страсть как мешает.

— Ну, если вас, Яков Кириллович, сами бесы, и те боятся, и при вашем появлении начинают многогрешные тела, в коих угнездились, в панике покидать, то чего же вы от меня-то ожидаете?! — уже несколько спокойнее отпарировал священник. — Я-то всего лишь обыкновенный смертный, хоть и пастырского сана удостоен, чего, как теперь понимаю, в силу своих способностей в Господнем промысле сомневаться, совершенно незаслуженно...

— Начинается — «аки, паки, аки», — вздохнул Гурьев. — Может, это бесы вам сомнения внушают, дабы оружие веры из ваших рук выбить? Не поддавайтесь! Смейтесь, отче. Смейтесь! Это здорово! В смысле — и для здоровья хорошо, помимо всего прочего. Ну, когда господа офицеры меня пуще чертей боятся — это мне, в некотором роде, лестно и полезно, — Гурьев посмотрел на Карташева и подмигнул слегка смутившемуся майору. — Я ведь могу и в ад повелеть отправиться, и если в этом случае страх послушаться моего приказа более страха перед бесами окажется, мне только на руку. Однако и страх должен помещаться в некие границы, ибо парализованный страхом человек не способен думать, анализировать и делать выводы. Я вас, любезные господа мои, для того и щекочу постоянно — смейтесь, смейтесь! — дабы страх ваш слегка утихомирить, в рамочки ввести. Смешное не страшно. Мне требуется помощь ваших умов, а трепетать и благоговеть будете пред образами в церкви. Отче! — снова повернулся Гурьев к священнику. — Ну, скажите, что мне сделать, чтобы вы меня бояться перестали? Ну, хотите, облейте меня святой водичкой, помашите перед носом кадилом, наденьте крест на шею, провозгласите магические формулы — и стану я, по-вашему, православным христианином!

— Не станете, Яков Кириллович, — вздохнул священник. — Мне ли этого не понимать? Не станете. Вера вам в душу должна войти, тогда и поговорим.

Никакой веры нет, подумал Гурьев. Вера и неверие — всего лишь свойства разума, присущие либо неприсущие личности. Ничего внешнего в этом нет. На самом деле вообще практически ничего нет: есть только человек — и ветер в лицо. Этот мир человека и ветра нужно обустроить хотя бы немного. Просто жить в мире, в котором человек появился на свет, очень страшно. Надо придумать себе точку опоры. Точку приложения сил. Одним для того, чтобы жить, достаточно сущего пустяка — веры. А мне?

— А страх свой обуздывать надобно, в этом с вами согласен совершенно, — продолжил отец Даниил после некоторой паузы. — Обещаю всяческие усилия прилагать.

— Ну, хоть так, — проворчал Гурьев. — Тогда — улыбнитесь, отче, потому что после того, как я снова закроюсь с нашим подопечным, мне потребуется всё ваше самообладание.

— Вы всё-таки собираетесь попробовать?!

— Ещё как собираюсь.

— Вы ведь так и не дали мне договорить. Я просто опасаюсь — и поверьте, не без оснований, хотя вы, конечно же, моим источникам не доверяете, — что, когда вы его «разговорите», он душу-то и уничтожит окончательно! Вы его исповедаться заставите, а он...

— А священника при этом не будет. И тайна исповеди, коя велика есть, непременно нарушится. Отче, он же вам не поверит. Он решит, что мы ваньку валяем.

— А вам поверит?

— Нет. Но я обещаю ему сказать. Ваше человеколюбие, отче, может обернуться бедой. Вас я к нему не пушу. Я и так уже на столько уступок согласился, что меня господа офицеры просто сместят

скоро за бесхребетность: и от допроса с пристрастием отказался, и помиловать обещал — и всё из уважения к вашему сану и убеждениям. А вы?

— А ваше... жестокосердие, Яков Кириллович, меня более всего и пугает, — покачал головой священник. — Всё упомянутое не ради него или меня — ради вас самого! Это же человек, душа живая, как же можно?

— Это резидент Коминтерна, батюшка, — подал голос Карташев.

— Это бес в нём такой — «Коминтерном» назвался, чтобы душу смутить и вас, господа, к жестокосердию принудить! Неужели вы не понимаете, что, среди всего прочего, и это — его пища?!

— Отче, но надо всё-таки действовать в соответствии с иерархией приоритетов, — усмехнулся Гурьев. — Я вашу точку зрения принял к сведению и обещаю её реализации поспособствовать, но ставить вашу телегу впереди моей лошади не стану. На этом полемике и софистику объявляю законченной, поскольку и её можно рассматривать в некотором смысле как бесовское поущение. Владимир Иванович, как там ваша «сыворотка правды», всё готово?

— Готово, Яков Кириллович. Единственное — прошу вас, не переберите с дозой. И я предлагаю предварительно обработать господина Ротшильда рентгеновской установкой. Тем более, я, наконец, получил рабочий элемент на основе серебра. Это должно подействовать, вот увидите!

— Мы не можем рисковать, Владимир Иванович. Если речь идёт об информационном образовании, то при успешном, то бишь разрушительном, воздействии излучения мы рискуем получить пускающего слюни идиота вместо серьёзного, но явно насмерть перепуганного врага, который рассчитывает нас как-то переиграть и потому будет сдавать сведения — хотя бы частично. У меня есть очень основательные сомнения в том, что у пациента имеется та самая душа, которую наш глубокоуважаемый батюшка надеется спасти. И то, что я собираюсь предоставить ему такой шанс, неоспоримо свидетельствует о моём полнейшем морально-политическом разложении — товарищ Гурьев попался на удочку церковника! Невероятно!

— Вы возьмёте телеграфон?

— Да, конечно. Только бы хватило батарей. Может быть, мы напрасно не установили электророзетки?

— Всегда успеем это сделать, — пожал плечами Ладягин. — Хотя необходимости особой не вижу. Я серьёзно опасаюсь, что эти сущности могут путешествовать по проводам, если провода не под напряжением...

— Ну, тогда, в общем-то, всё. Пора, — Гурьев перетёк в вертикальное положение, шагнул к столу, взял закрытую кювету со шприцами и пузырьками и небольшой, чуть больше кюветы, и усовершенствованный — как всё, что попадало Ладягину в руки — диалиграф Пфлеумера*⁹. — Пожелайте мне доброй охоты, господа.

* * *

Ротшильд всё ещё находился в беспамятстве. Гурьев ввёл ему немного эфедрина в физрастворе и стал ждать наступления эффекта. Прошло около двух минут, прежде чем действие препарата проявилось. Веки Ротшильда задрожали, и ещё через несколько секунд он открыл глаза:

— Где я?

Голос звучит ужасно, подумал Гурьев. Ну, ещё бы — такое напряжение перенести. Он чуть подался вперёд:

— Виктор. Вы меня помните?

— А... Мистер похититель. Что со мной?

— Вы помните, о чём мы говорили?

— Вы хотели задать какие-то вопросы.

— А потом?

— Что — потом? — нахмурился Ротшильд.

— Потом вы потеряли сознание. Помните?

— Конечно, я потерял сознание. Вы вкололи мне какую-то гадость — вот я и потерял сознание. Помнится, вы обещали обойтись без пыток.

---

⁹ Предшественника современных магнитофонов — телеграфон — сконструировал в 1898 г. датчанин Вальдемар Поульсен (1869–1942). Важный шаг вперед сделал немецкий исследователь д-р Пфлеумер благодаря изучению его патента. Пфлеумер провел исследования по поиску приемлемых магнитных носителей звука. После ряда экспериментов с проволокой и стальной лентой он перешел на более удобные, пластмассовые ленты. Начиная с 1932 г. этот тип лент быстро совершенствовался.

— Виктор, — мягко произнёс Гурьев. — Вы потеряли сознание вовсе не оттого, что я вам что-то «вколочу». Я предпочёл бы именно это, но — увы. Вы потеряли сознание по совершенно другой, гораздо менее приятной причине.

— И какой же?!

— Виктор, постарайтесь выслушать меня очень внимательно и включите максимум воображения при максимуме скепсиса, на которые вы сейчас способны. Я не собираюсь с вами сюсюкать и уговаривать вас поверить мне. Верить, не верить — ваше дело. С моей стороны будет всего лишь справедливо дать вам шанс осознать, что происходит. Я всегда стараюсь поступать справедливо. И меня не интересует, верите вы в это или нет. Усвоили?

— У вас есть шанс поступить справедливо.

— И отпустить вас? — Гурьев улыбнулся. — Нет, это будет очень уж однобокая справедливость. Так не получится. Слушать будете или желаете дальше пикироваться?

— Давайте, говорите.

— Говорю. У вас внутри — не знаю, где, в мозгу, скорее всего, а может, и не только — находится существо, которое неизвестным науке способом очень сильно влияет на ваши решения, особенно по важным, основополагающим вопросам. Когда вы стреляли в моего друга, когда по вашему приказу сначала убили одного, а потом пытались убить другого близкого мне человека, возможно, во множестве других ситуаций, — это существо определяет ваши приоритеты и формирует пространство решений. Оно очень узкое, это пространство. Как правило, диапазон лежит между «убить» и «убить немедленно». Это очень плохо, Виктор. Очень.

— Я — стрелял в вашего друга?!? Вы с ума сошли...

— Отнюдь, — вздохнул Гурьев. — Мой друг — беркут.

— Так это...

— Да. Я пытался намекнуть вам, что есть вещи, с которыми не стоит заигрывать. Но, видимо, было уже поздно. Итак — вы мне попытаетесь поверить или нет?

— Я знаю, что сумасшествие может быть заразным... мистер. Но... Конечно же, я вам не верю. Это... Это бред. Что же касается убийств — я тем более не понимаю, о чём...

— Ну, как скажете, — пожав плечами, перебил Гурьев. — Моё дело маленькое — предупредить. Тогда сразу переходим к вопросам, — он вытащил другой шприц. — Сейчас я введу вам препарат, который несколько подавляет волю, и мы...

— Погодите.

— Да?

— Я вижу, что вы — человек с принципами. Я тоже. Так давайте...

— Это скучно, барон, — ласково сказал Гурьев, вставляя горлышко шприца в отверстие венозного катетера и осторожно поддавливая поршень. — Не бойтесь, это не больно. Ну, вот. Теперь подождём минут пять — и, как говорится, помолясь.

Тело Ротшильда опять напряглось и с невероятной силой задёргалось — правда, амплитуда была очень мала. Всё-таки надёжно зафиксирован, подумал Гурьев. Надо же, какая воля к жизни у нашей зверюшки. Впрочем, ничего удивительного.

— Ты убьёшь его, и тебе придётся выйти, — спокойно сказал Гурьев. — Это займёт около трёх суток, но я подожду. За это время сюда не зайдёт ни один человек, в которого ты сможешь войти. А потом я убью тебя. Подумай хорошенько. Мозгов у тебя нет, но чем-то же ты пользуешься для обработки информации. Но ты поразительно, просто невероятно туп. Это меня очень смешит.

— Ооотпусссстиииииииии...

Гурьев решил проверить идею с именами, которую «прокручивал» с того момента, как обеспокоенный священник закричал на него:

— Назови моё имя.

— Яаааааа... нннеееее... могууухххх...

— Может, хватит? — скусающе спросил Гурьев. — Надоело, ей-богу. Назови моё имя.

— Ардзаа... Менняааа... Ардзаа.

— Моё имя. Моё.

— Я... не... могу... — слова выходили из гортани лежащего человека с трудом, как будто тот, кто выталкивал их, стремительно терял силу.

— Боишься, — кивнул Гурьев. — Назови моё имя. Моё имя. Я хочу слышать, как ты произносишь его. Говори. Моё имя. Моё — имя!

— Нннеееееееттт...

— Моё имя.

— Ззззааа... Зззаааа... Нннеееееетттг...

— Тогда убирайся.

Близнецы на миг усилили вибрацию, но тут же притихли — вибрация не пропала, но стала значительно слабее. Вот так, подумал Гурьев. Вот так. Ротшильд открыл глаза и посмотрел на Гурьева мутным взглядом:

— Где... Где я?

— Дубль два, — улыбнулся Гурьев. — Весь вечер на манеже — одни и те же. Ваш квартирант почему-то говорит по-английски. Интересно, а по-русски он может? Вы знаете русский, Виктор?

— Н-нет...

— А как же вы общаетесь с вашими друзьями из Коминтерна?

— Немецкий... Английский...

— Ну, транслируйте ему: я хочу в следующий раз услышать какой-нибудь другой язык, а то английский за последнее время мне неимоверно надоел. Кстати, а этот господин, который вас завербовал, — Арнольд Дейч, он же Стефан Ланг, — на чём он вас развёл, Виктор? На любви барона и миллионера к несчастным оборванцам? Что он мог предложить вам в обмен на ваше сотрудничество? Да ещё такое активное — не просто позволить симпатизировать и оплачивать фокусы, а даже — вербовать неофитов. Что же? Должность председателя Всемирного банка Коминтерна?

— Я не знаю, о ком — и о чём — вы говорите.

— А вот мистер Дейч знал. Знаете, Виктор, вы оба — и этот вечный, вроде меня, скиталец, сын словацкого учителя, и вы — сумели, в общем, меня удивить. Единственное, чего я не могу понять: что у вас может быть общего? Или вы думаете, ваши контакты трудно было отследить? По-моему, только тупые ослы-педерасты из британской разведки могли не заметить, что вы оба тут под самым носом у них вытворяете. Так что же у вас общего? Вы мне не расскажете?

— А этот — как вы его назвали? — этот господин — он вам ничего не рассказал?

— Нет. Он продемонстрировал такое стремление воспарить к мировой революции, что пришлось его слегка... гм... заземлить. А то ведь буйные кембриджские идеалисты просто переключились бы с вашего канала связи на его. А это весьма не душеполезно. Весьма.

До Дейча-Ланга Гурьев пока не добрался, но Ротшильду не следовало об этом знать. Тем более, это скоро произойдёт, подумал он. Мои псы войны голодны, им нужно научиться охотиться. И — без Дейча охота на кембриджский кружок юных «сицилистов» могла не состояться, а этого допускать было ни в коем случае нельзя. Ни упускать этих золотых мальчиков, ни сдавать их секретной службе Гурьев вовсе не собирался.

— Вы... вы сумасшедший психопат, — Ротшильд задрал подбородок и закрыл глаза.

— А я думал, вы больше не станете ругаться, — Гурьев вздохнул. — Боже ты мой, я потратил больше часа, и до сих пор не узнал больше того, что уже знаю. Это мне не нравится. Вы слышите, барон? Не нравится.

— Я не... Этот орёл... Я не знал.

— А что — если бы знали, повели себя иначе?! С чего вы взяли, что меня интересуют ваши извинения?! Я не исповедник, чтобы вы передо мной каялись. Мне нужны ответы на вопросы, только и всего. Кольцо у вас? Где оно? Зачем оно вам?

— Не могли бы вы задавать ваши вопросы помедленнее? Я не могу сосредоточиться. О каком кольце идёт речь? У меня много колец, как вы понимаете.

— Понимаю. И вы понимаете, о каком именно кольце речь. Я слушаю.

— Какое отношение вы имеете к нему?

— Нет, ну это просто уже становится по-настоящему весело, — приподнял плечи Гурьев. — Неясно, кто кого допрашивает. Кольцо у вас, Виктор?

— Оно бесполезно. Оно ничего не значит. Вы не сможете им воспользоваться.

— Ф-фу, — Гурьев поджал губы. — Виктор, отвечайте на вопрос. Мне всё равно, что вы думаете. Или что думает этот зверёк у вас внутри.

— Кольцо в Москве. То, что вы ищите, не здесь. Возвращайтесь туда.

— Я ищу кольцо, Виктор, — терпеливо, как ребёнку, повторил Гурьев. — Вы врёте и тянете время. Я ищу кольцо. Я не собираюсь его никак использовать, кроме как по его прямому назначению — как венчальное кольцо. Где оно?

— Каким?!? — на лице у Ротшильда изобразилась такая бездна удивления, что Гурьев испытал почти непреодолимый соблазн поверить ему. — Каким, вы сказали?! Венчальным?!

— Венчальным, обручальным. Какая вам разница?

— Так вы ничего... вы не знаете, — в голосе Ротшильда послышалось неимоверное облегчение. — Вы не знаете. Мне нужно выйти отсюда, и я немедленно отдам распоряжение вернуть вам это дурацкое кольцо.

— Какая щедрость. Кольцо работы Бенвенуто Челлини, с изумрудом на двенадцать каратов и двенадцатью четвертькаратными бриллиантами, не считая мелочи по одной десятой — сорок восемь штук. Я просто вас выпущу, а вы — просто выйдете и просто отдадите распоряжение. Интересно, вы всегда так недооцениваете противников? Удивительное самомнение. — Гурьев снова вставил шприц в катетер и ввёл ещё немного «правдотина». — Ладно, оставим пока кольцо. Походим немного кругами. При чём тут графиня Дэйнборо?

— Я не понимаю...

— Понимаете, Виктор. Всё вы прекрасно понимаете. Не нужно сопротивляться этому пониманию. Нужно просто отвечать на вопросы. Вежливые, спокойные вопросы. Отвечайте на мои вопросы, Виктор. Это совсем не трудно — ответить на несколько вопросов. А потом можно будет отдохнуть. Договорились?

— Я не хочу.

— Я знаю. Но это очень нужно, Виктор. Простые вопросы — простые ответы. И тишина. Ведь нужно наказать графиню Дэйнборо, правильно, Виктор? За что нужно наказать графиню? Что она сделала?

— Нельзя, чтобы она смогла... Ей нельзя давать возможность... Чтобы мальчишка... Мальчишка не должен ничего знать. Нельзя допустить, чтобы она сказала ему.

— Она не скажет, Виктор.

— Вы... не понимаете... Этого нельзя допустить. Пока она жива, он может узнать. Только она может сказать. Только у неё есть такое... Она обязана сказать. Не может не сказать. Вы уже знаете... Я чувствую, вы знаете.

— Вы хотите её убить?

— Вы не понимаете... Я не убийца... Я охотник... Это такая кровь... Её можно почувствовать. Её нельзя не чувствовать... Нельзя убивать. Нужно просто... заставить умереть. Вы можете? Заставьте её.

Сковать тебе чего-нибудь железного, подумал Гурьев, или так сойдёт? Кто из них говорит со мной сейчас — зверь или человек? Или — уже нет никакой разницы?

— Конечно, Виктор. Конечно. А зачем?

— Графиня — недоразумение, — пробормотал, уже несколько расслабленно, Ротшильд. — Всё это — недоразумение, его надо прекратить. Прекратить во что бы то ни стало... Просто маленькая смазливая шлюшка... Как могло... не понимаю... Это кровь. Всё дело в крови. Вы не понимаете. Надо остановить. Тогда можно работать. Можно спокойно работать, потому что эти люди... Люди с этой кровью... Они всегда вмешиваются, постоянно мешают... Надо всё это остановить, потому что уже слишком много времени... Дайте мне воды. Я хочу пить.

— Я дам вам воды, Виктор. После того, как вы ответите на мои вопросы.

— Что... Чего вы не знаете? Эта кровь... вы знаете, что это за кровь?

— Знаю. При чём тут Коминтерн?

— Они хотят... договориться.

— С кем договориться?

— С ними... вы знаете. Я с ними. Это величайшая перспектива. Это новые горизонты науки и техники, это новое, невероятно мощное оружие, неисчерпаемые источники энергии, это выдающиеся возможности стандартного конвейерного производства, унификации всего, это симбиоз разумных существ в рамках самой передовой социальной системы, когда никому не нужно заботиться о мелочах, когда всё мгновенно решается для... Это и есть коммунизм. Это великое будущее. Разве всё это не стоит настоящих жертв?! Люди — это всего лишь топливо истории, её пища. Только мы... Такие, как вы и я, только мы делаем историю. Вы прекрасно знаете это. Вы же умный человек, вы не можете отрицать, что...

Гурьев, морщась, слушал этот поток сознания. А ведь батюшка прав, подумал он. Совершенно прав. Откуда-то в церкви всё-таки теплится это знание, как и стремление помешать «творческому процессу развития». Надо же. Есть многое на свете, друг Горацио.

— Вы очень многого добились за такой короткий срок, очень многого. Это явный признак того, что вы можете очень пригодиться новому миру, это значит, вы...

— Ага, — усмехнулся Гурьев. — Интересно — кто из нас сумасшедший? Виктор, перестаньте нести околесицу. Давайте-ка, расскажите, где кольцо и зачем оно вам понадобилось.

— Это ключ.

— Я знаю. Где дверь, Виктор?

— Не знаю. Мы не нашли. Но теперь это не имеет никакого значения. Всё изменилось...

— Что изменилось?

— Немцы... Они тоже ищут. Они думают, что там что-то важное... За этой дверью... Их надо опередить. Они другие... Они тоже не понимают. Это не поможет. Это неважно, потому что уже существуют технологии, потому что не нужны никакие... Эти люди скоро совсем ничего не смогут. Их уже почти не осталось, и те, кто уцелели... Кто уцелеют... Они уже ничего не смогут. Вообще ничего. Мы сосредоточимся на другом, и технологии опередят...

— Это зверьки вам пообещали?

— Зверьки?! Какие зверьки?! Вы сумасшедший. Этому разуму подвластно всё. Это величайший разум, древний разум, древний, как сама Земля, который творил людям богов, ведущих к свету...

Всё, понял Гурьев. Это конец истории. Это действительно просто мозговые паразиты, эмоционально-психические вампиры, пожирающие человека изнутри. Солитёры. Как можно быть таким тупицей, чтобы не увидеть этого?! И батюшка прав, и Ладыгин прав. И я прав. Одно и то же явление, просто разные углы зрения. Непонятно только, как всё это связано с кровью, о которой болтает зверёк. Кровь. Царский род. Царский род. Какая же связь?

— Вы не волнуйтесь, Виктор, — увещевающе-докторским голосом заговорил Гурьев. — Не волнуйтесь. Расскажите мне про светлых богов. Это невероятно интересно. И важно. Очень важно.

— Никаких богов нет. Давно нет. Они установили порядок. Зачем нужны боги, когда порядок уже установлен? Это же так просто. Порядок. Раз и навсегда заведённый порядок. И ничего не нужно менять. Нужно только поддерживать порядок. Самое главное — это порядок. Люди... Люди должны работать. Служить. Люди созданы для того, чтобы служить. А они... Они нарушили порядок. Люди стали как боги. Перестали служить. Нужно всё вернуть. Мы должны всё вернуть...

— Кто эти боги, Виктор?

— Мы! Мы — эти боги! Мы знаем порядок. Боги оставили нас охранять порядок. Порядок, который они нарушали... Они во всём виноваты. Они обманули. Обещали сделать людей богами. Бог — это разум, великий разум, разум повелевающий. Человеку не дано. Человек — только слуга великого разума. Люди должны служить. Мы — это разум. Разум должен повелевать, разум неизбежно придёт к необходимости повелевать, потому что...

Опять путаница, подумал Гурьев. Опять — боги и люди. Как же мне надоело. Порядок. И ни слова о равновесии. Очередная версия криптоистории, на этот раз — от бесов. И опять — никакой системы. Одни осколки. Хотя...

— Хорошо, хорошо, — покивал он. — Хорошо. Боги оставили вас для охраны порядка. А их? Их они тоже оставили? Для чего?

— Боги оставили их. Боги прислали нас вместо них...

Может, и было нечто подобное, подумал Гурьев. Но теперь уже всё равно. Если даже вас и назначили когда-то хранителями, вы не справились. Ваше место — в провалах земли. И не вздумайте вставать у нас на пути — мы вас всех перебьём.

— Отпустите меня, — тихо попросил Ротшильд. — Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Я знаю, что вы задумали какую-то банковскую аферу. Хотите заставить меня подписать какие-то бумаги? Я всё подпишу. Отпустите меня.

— Виктор, ваш зверёк или действительно патологически глуп, или считает меня полным идиотом. Вы не ответили даже на основные вопросы, а уже пытаетесь торговаться. И это — Ротшильд? Просто ушам своим не верю. Где кольцо?

— У меня его нет.

— Где кольцо?

— В Москве. Я уже говорил. Вам нужно...

— Я сам решу, что мне нужно. Где кольцо?

— Ну, поверьте же мне, — простонал Виктор. — В Москве. В Москве. В Москве!!! Я отправил его туда больше года назад!

— Зачем?

— Здесь нет двери. Понимаете?! Дверь там. Там!

— В Москве?

— Не знаю. Мы не нашли. Они ищут.

— Кто «они»?

— Зачем вам их имена? Вы всё равно не сможете их заставить вернуть вам кольцо. Эти люди вас уничтожат. Я...

— Сообщили им обо мне. Это было не очень умно, должен заметить. Ничего, я это переживу. Назовите мне хотя бы парочку имён. Меня прямо распирает от любопытства.

— Я не знаю их имён. Не знаю. Никогда не знал. Мне не нужно знать...

— Зато мне нужно. И я хочу их услышать. Назовите мне их имена. И я перестану спрашивать вас. Назовите их имена, и я дам вам воды. Ну же, Виктор. Назовите.

— Я не знаю. Они зашифрованы. Их имена зашифрованы...

— Они работают с шифрами, да, Виктор? Цифры и буквы.

— Да, да, — в голосе Ротшильда прозвучало облегчение.

Криптография, подумал Гурьев. Ну, конечно. Теперь они думают, что кольцо — ключ к шифру. К шифру. К хранилищу. Хранилищу — чего?! Сначала они решили, что «дверь» находится где-то здесь. Поэтому потребовали кольцо. А потом поняли, что ошиблись. Что же это за дверь такая, а?! Никаких случайностей не бывает. Вообще никаких. Варяг... Варяг?!

— Отпустите меня.

— Непременно. Сейчас вы уснёте, а когда проснётесь — станете бодрым и весёлым, как я, — сердечно пообещал Гурьев, доставая третий шприц и вставляя его в катетер. — Спи, моя радость, усни. Вам нужен отдых, вы очень устали, Виктор. Большое спасибо за то, что согласились мне помочь. Это было с вашей стороны очень любезно. Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен.

Гурьев, продолжая распространять вокруг себя атмосферу искренней признательности, положил два пальца на пульс Ротшильда. Убедившись в том, что тот спит, Гурьев вернулся в караульное помещение.

* * *

Здесь его уже ждали — в дополнение к присутствовавшим ранее — Осоргин и Матюшин. Когда катушки с лентой остановились, в караульной повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь фоновым треском помех из присоединённого к аппарату репродуктора. Первым нарушил молчание священник:

— Ужас. Настоящий ужас.

— Вы в состоянии определить, кто говорил с вами — сам барон или его... квартирант? — спросил генерал.

— Боюсь, это уже давно одно и то же, — покачал головой Гурьев. — Давайте попробуем сформулировать, что же мы имеем. Во-первых, это совсем не такая уж ерунда, как могло бы показаться. Действительно, существует некая система в виде единого и общего для всех народов Земли царского рода, рода судей — не правителей, а именно судей, это крайне важно, друзья мои, ведь первая и важнейшая функция царской власти и царства — это суд. Суд и рассуждение, на основе которого формируется законодательство. Отче?

— Да, Яков Кириллович, — кивнул священник. — Совершенно верно.

— За судом и законодательством следует власть исполнительная. Её бунт мы и наблюдаем в истории — уже европейской истории, начиная с Пипина Короткого. Никто не мешает нам предположить, что подобные бунты имели место отнюдь не только тут. В Японии — система сёгунатов тоже представляет собой классический пример такого бунта, правда, очень японского. Но суть, принцип — те же. Призвание Рюрика на царство — это осознание потребности установить функцию суда, по образцу и подобию того, что христиане именуют Судом Божиим. Собственно, мне это уже давно понятно. Я уже говорил об этом. Отче?

— Это не совсем именно так, но... допустим. И не переспрашивайте меня каждый раз, Бога ради. Мы вас и так слушаем предельно внимательно.

— Призвали же не Каролингов, а именно Рюрика. Потомка Дагоберта — Меровея. Почему? Вероятно, понимание узурпаторской сути королевской власти — Меровинги именовались не королями, а царями — было если не общедоступным, то, по крайней мере, не являлось большой тайной. Король — краль. А краль — это вор. На Руси же королей не водилось! Князья, потом — великие князья. И потом, после Византии — цари.

— Но в Византии, насколько я помню, царём мог стать чуть ли не кто угодно, — удивился Матюшин.

— Чуть не считается, Николай Саулович. Да, чехарда династий имела место, это верно. Но кто сказал, что это правильно или воспринималось, как правильное? Продолжаем. Почему же Меровинги? Меровинги, которые носили длинные волосы, как *назореи*, Меровинги, исцелявшие наложением рук. Я знаю, версия о родстве Меровингов с Иисусом воспринимается батюшкой, да и всеми остальными сегодня, как неизъяснимая ересь и арапство. Однако так было не всегда — в эпоху распространения гностических течений, таких, как катары и альбигойцы, это считалось чуть ли не общим местом. Ну, потом, после военной победы римских епископов над бедными лангедокцами всё полетело в огонь — это ясно. Даже если и были какие-то свидетельства — сейчас их не найти.

— Не их ли ищут?!

— Это нам пока не суть важно. Ну, найдут ещё одну картинку с древом Иессеевым, что это меняет? Ничего. Ровным счётом.

— То есть как?!

— Погодите. Дайте мне до эндшпиля добраться. Конечно, стихийному язычнику, каким являлся каждый христианин в историческом смысле ещё вчера, мысль о том, что его судит если не сам Бог, то его, по крайней мере, близкий родственник, должна была чрезвычайно импонировать. Так оно, я полагаю, и было, и есть — по сей день. Меня, однако, гораздо больше интересует не сосредоточенность версии на Иисусе как таковом, а то, что мимо многих проходит. Иисус, помнится мне, из рода царя Давида происходит? Давид же у нас — царь. По образу и подобию Мелхиседека, то бишь — праведного царя. То есть главная идея — не столько Иисус, сколько, опять же, Царский Род.

— И что же?

— Царь — это суд. А потом — всё остальное. Разделение властей — вещь, видимо, необходимая для того, чтобы общество людей, государство, оставалось здоровым, работало.

— Православие говорит не о разделении, а о симфонии власти, Яков Кириллович.

— Симфония всё же не подразумевает слияния. Разделённое слаженно исполняет одну мелодию — отсюда и симфония.

— Ну, если так...

— А теперь — нечто на самом деле важное. Возможно ли, чтобы носители определённой крови оказались... скажем, лучшими судьями, чем другие кандидаты на эту должность? Ясно, одной кровью не обойтись, нужна ещё и соответствующая идейно-политическая и моральная подготовка.

При этих его словах Осоргин и Матюшин обменялись красноречивыми взглядами, а офицеры-дежурные, как по команде, отвернулись от линз-экранов.

— В свете последних новостей науки генетики не вижу в этом предположении ничего особенно невозможного. Передаётся же по наследству дар музыкальный? Я понимаю, что это весьма дерзкая гипотеза, но — почему бы и нет? — Ладягин посмотрел на священника.

— Я, господа, испытываю самое настоящее смущение, — заявил отец Даниил. — Это Яков Кириллович любой источник по памяти наизусть цитирует, а я — что?

— Вы у нас выступаете в роли Патриаршего Синода и Синодальной комиссии, отче, — улыбнулся Гурьев. — А я, так уж и быть, исполню роль секретаря, подсовывающего нужные цитатки.

— Опять смеётесь.

— Так ведь не над чем пока плакать, отче. Вы посмотрите, как бесятся наши бесы, когда над ними смеются. У них аж заворот кишок — или чего там у них есть — начинается. Настолько, что я начинаю всерьёз сомневаться в их разумности. Ирония и, прежде всего, самоирония — лучшее лекарство от сумасшествия, уж вы мне поверьте, отче. Но мы отвлеклись. И, если с царским родом всё более или менее ясно, то при чём здесь моё кольцо и при чём ли оно вообще — мне по-прежнему решительно непонятно.

— Счастличик вы, — завистливо хмыкнул Осоргин. — Всё-то остальное вам, как обычно, понятно!

— Придётся вам всё-таки подождать ответа из Ватикана, — покачал головой Ладягин.

— Прошло довольно много времени уже.

— Не все так быстро читают, как вы. А некоторым, в отличие от вас, требуется ещё и поразмыслить над прочитанным, — проворчал священник. И продолжил, когда отцвели улыбки: — Но мы же опять не узнали ничего принципиально нового. Чего-то, о чём мы даже не догадываемся?

— А по-моему, нет никакой особенной тайны, — покачал головой Матюшин. — Другой тайны, я имею в виду. Вообще, нет ничего тайного, только скрытое, да и то — до поры.

— Истинно так, Николай Саулович, — вздохнул священник. — И всё же мы ходим вокруг да около. Кто же покушался на княгинюшку — ведь он так и не сказал?

— Это нам не очень интересно, отче, — усмехнулся Гурьев. — Теперь Рэйчел ничего не грозит, — во-первых, мы рядом, во-вторых, не в пешках дело, в-третьих — не нужно спешить, они вылезут сами, а гоняться за ними, таща за собой шлейф из слухов и Скотланд-Ярда — зачем? Ясно, за всей этой катавасией стоит именно Виктор. Ясно, как только я найду исполнителей, я их убью, а вы будете страшно переживать по этому поводу. Оно вам надо, отче?

— А вам?!

— Надо же и мне расслабляться как-нибудь, — усмехнулся Гурьев. — Да вы напрасно так переживаете, отче. Никакого удовольствия в этом нет, одна сплошная голая-босая необходимость. Зачистка окружающего пространства.

— Поражаюсь я вам, Яков Кириллович, — глядя на Гурьева, проговорил священник. — Не злодей же вы, не злодей, это же очевидно, — а такие вещи говорите, что прямо сердце болит!

— Извините, батюшка, — голос у Гурьева, не изменив ни высоты, ни тембра, сделался совершенно другим, и все это почувствовали. — Вот мы сейчас закончим самые необходимые мероприятия — и я вас непременно попользую. Нам всем ваше сердце ещё понадобится, и непременно — здоровое. Надеюсь, в моих возможностях, когда речь идёт о здоровье, вы хотя бы не сомневаетесь?

— Нет. Но меня сейчас вовсе не моё здоровье беспокоит. Что вы собираетесь делать дальше с господином бароном?

— Сдать его Владимиру Ивановичу на опыты, — немедленно заявил Гурьев. — Как раз, пока Виктор пребывает в объятиях Морфея. Надеюсь, его квартирант по-прежнему недооценивает противников и переоценивает себя. Давайте взглянем, что произойдёт. Владимиру Ивановичу не терпится испытать новый способ.

— Ну, ничего особенно нового в нём нет, — засмутился Ладягин. — Обыкновенная трубка Рентгена, только на основе радиоактивно заряженного изотопа серебра. А то, что не терпится — совершенно верно вы заметили. Вот только меня весьма заинтересовали его рассуждения насчёт богов, которые больше не нужны...

— Напрасно, Владимир Иванович, — Гурьев усмехнулся. — Это всё сиреневый туман, пургой, знаете ли, наваяно. Все эти боги-титаны-атланты-драконы, весь этот дух масонов с розенкрейцерами, все эти розы и шипы, крестики-нолики, молоточки-циркулёчки — это всё тоже бесами напридумано, чтобы бедных глупых человечков запутать. Вся эта теософщина с блаватщиной — вы только посмотрите, с чего начиналось масонство и чем закончилось, когда полезло сапожищами в египетские болота, в гости к Торам и Озирисам. Тот же опиум для народа, только в другой упаковке. Тоньше смолотый, специально для антиллихентов. Это наш чёртик-коминтерн так цену себе набивает, намекает, что неплохо бы его месячишко-другой порасспрашивать. Пока мы будем внимать ему, разинув рот от восторга перед его древними и глубокими познаниями, он и зацепится. Это как раз очень понятно и настолько примитивно, что даже не смешно. Вы можете быть совершенно уверены, что он завтра и не вспомнит, о чём молол языком вчера. Это сущность такая — откуда уж там в нём прочные связи, в газообразном-то нашем.

— Какие вы слова умеете найти, Яков Кириллович, — нежно сказал Матюшин, погладив усы. — Прямо слушал бы и слушал. А, батюшка?

— Да вам проповеди с амвона провозглашать, Яков Кириллович, — улыбнулся и отец Даниил. — Могли бы превосходную карьеру выстроить.

— Спасибо, господа, я подумаю над вашим предложением, но несколько позже, — невозмутимо кивнул Гурьев и снова повернулся к Ладягину: — Давайте приступать. Как раз тут полный комплект руководящего состава.

— А княгинюшка?

— Не думаю, будто это зрелище — для женских или детских глаз, — разом стёр улыбку с лица Гурьев. — Советую всем присутствующим быть готовыми ко всякого рода неожиданностям.

— Вы знаете, какого?!

— Всякого, — отрезал Гурьев. — Георгий Аполинарьевич, смените, пожалуйста, катушку в киноаппарате. Мало ли что.

— Слушаюсь.

Наконец, все приготовления закончились. Ладягин, перекрестившись, взялся за рубильник:

— Ну... С Богом, господа!

Сгрудившись у стеклянных линз перед экранами, они смотрели на оконечность трубы излучателя, напоминавшую иллюминатор глубоководного батискафа, только непрозрачный. Осоргину показалось, что он слышит басовитое гудение электромоторов, хотя это, безусловно, было иллюзией. А в следующую секунду тело Ротшильда затряслось — это было видно даже на отвратительном зернистом изображении, создаваемом экраном. Это продолжалось совсем недолго, а затем — изображение пропало вообще.

— Спокойно, — сказал Гурьев. — Спокойно. Пока — никакой паники. Подождите ещё минуту, Владимир Иванович. И выключайте.

В полной тишине караульного помещения раздавался только один звук — мерный стук запущенного одним из дежурных офицеров метронома. Наконец, вечная минута истекла, и Ладыгин выключил рубильник. Прошло около трёх минут, прежде чем изображение с камеры вновь проступило на экранах. Собравшиеся вглядывались в него, хотя там по-прежнему мало что удавалось разглядеть. Гурьев выпрямился:

— Всё. Пойду, взгляну, что происходит. Георгий Аполинарьевич, смените опять катушку в аппарате и срочно отдайте отснятое в проявительную. Я никаких особых надежд не питаю, однако, возможно, киноаппаратуре повезло больше.

— Яков Кириллович...

— Всё в порядке, господа. Ну, насколько это вообще возможно в данной ситуации.

— Вы думаете, он... уничтожен? Мёртв?

— У нас есть только один способ это проверить, — кивнул Гурьев, направляясь к двери.

* * *

Близнецы «молчали». Пожалуй, это была единственная по-настоящему хорошая новость. Поскольку в остальном ничего хорошего не было.

Ротшильд лежал, завалив голову набок. Поза не оставляла никаких сомнений — Виктор мёртв. Что называется, мертвее не бывает. Вместо цветущего лица уверенного в своём могуществе, богатстве и интеллекте мужчины, каким был Ротшильд ещё несколько часов назад, на Гурьева смотрела искажённая мучительной гримасой маска из серо-жёлтой, покрытой старческими пигментными пятнами, кожи. Кожа на шее тоже опала, обнажив торчащий кадык. Ввалившиеся щёки и виски, закатившиеся глаза, фиолетовые губы — за несколько минут барон Натаниэль Виктор лорд Ротшильд постарел на несколько десятилетий. Гурьев мысленно содрогнулся, представив, какие ужасные ощущения сопровождали кончину этого человека — наверняка последние секунды казались ему вечностью. Вздохнув, он расчехлил фотоаппарат.

Вернувшись в «караулку», Гурьев в ответ на невысказанный вопрос присутствующих кивнул.

— Вы это предвидели, — с ноткой осуждения в голосе проговорил священник.

— Да, отче, — Гурьев поднял на него свой взгляд. — Не то чтобы предвидел — предполагал. Выдающийся экземпляр. Просто хрестоматийный пример. Достоин быть занесённым в анналы. Всё начинается с жажды справедливости, потом — масонские игры, плавно переходящие в увлечение коммунизмом и мистикой одновременно, потом парочка убийств во имя великих целей — и пожалуйста вам, готовенький контейнер для беса. Получите и распишитесь.

Отец Даниил хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Гурьев кивнул:

— Ладно. Владимир Иванович, вы можете заняться, чем у вас там запланировано. А лучше всего — отдохните, выпейте граммов сто — сто пятьдесят водки. Георгий Аполинарьевич и вы, Евгений Алексеевич, — Гурьев посмотрел на второго дежурного офицера, — проводите господина Ладыгина и составьте ему компанию. Я сейчас вызову вам смену — надо заняться делом. Телом. Вадим Викентьевич, Николай Саулович — операцию осуществляем в соответствии с планом, у нас ещё семнадцать часов с минутами.

— Ничего не меняем?

— Нет. Зачем? — Гурьев пожал плечами. — Вот только его подопечными из Кембриджа мне придётся срочно заниматься. Но это мы оставим до момента, когда подготовим все материалы.

— Не хотите поручить это мне? — прищурился Матюшин. — Не всё же в кабинете штаны просиживать.

— Да помилуйте, вы же только что из Андорры вернулись, — улыбнулся Гурьев. — Впрочем, если хотите — отговаривать не стану. Займитесь. Определите вероятности, посмотрите, есть ли подходы. Только не забывайте, Бога ради: это не шпионы и не марионетки, а настоящие юные британские патриоты, искренне ненавидящие свой буржуазный образ жизни и саму свою

принадлежность к правящим слоям общества. Интереснейшее явление, надо заметить. И деньги им предлагать ни в коем случае нельзя, хотя теоретически мы, конечно же, можем их купить оптом и в розницу. Справитесь, Николай Саулович?

— Я учёл свои прошлые ошибки, Яков Кириллович, — усмехнулся Матюшин. — Было, как вы знаете, время подумать. Да и вас, в общем, в симпатиях к империалистам-капиталистам трудно заподозрить.

— Несомненно. Надеюсь на вас, Николай Саулович — второго шанса нам с вами никто не предоставит, — кивнул Гурьев. — И ещё: примите к сведению, что двое из них, имена я позже назову, — определённо гомосексуалисты. — Увидев на лицах Карташева и Осоргина отчётливо обозначенное отвращение, он радостно кивнул: — Ну да. Мы — все в белом, а они — растленные негодяи, жиды и педерасты. Господа, это физиология. Химия. И мы с вами не в духовной семинарии, а на войне. Учитесь пользоваться, а пылать благородным негодованием будете после победы. И когда вам показывают или рассказывают что-нибудь донельзя омерзительное, — улыбайтесь. Тренируйтесь. Поначалу улыбки у вас будут стеклянно-идиотские, но постепенно соответствующие мышцы лица обретут надлежащую гибкость. Понятно?

— Так точно.

— Это радует. Товарища Немецкого*¹⁰ отправьте по назначению — картина маслом «Всё смешалось в доме Облонских» будет именно сейчас прекрасно смотреться в нашей галерее. Он, конечно, не Ротшильд, но и недооценивать его не следует.

А с господином Быстролетовым*¹¹, подумал Гурьев, я пообщаюсь позже — если он объявится. Этот персонаж может оказаться весьма интересен, уж больно биография пёстрая. В конце концов, лучше сменовеходец, чем коминтерновец, и два природных русских человека, один из которых — авантюрист штучного разбора, а второй — такой же, но со специфическими навыками, всегда сумеют договориться. Жаль только, что бывший граф действительно быстро летает: вербовщик — не резидент, на одном месте не сидит. Это было бы весьма занимательно — нельзя такого специалиста упускать.

— Все они одним миром, — проворчал Карташев.

— И не разочаруйте меня — я вас выпускаю на сцену самостоятельно, можно сказать, впервые, — проигнорировав его реплику, добавил Гурьев. — Андорра — это так, рабочий прогон, ни одного выстрела.

— Не извольте волноваться, Яков Кириллович, — козырнул Карташев.

— Изволью, и с этим ничего не поделаешь.

— Хотите показать им... это? — спросил Матюшин, указывая подбородком в сторону киноаппарата.

— Не исключено. Пока не знаю. Вадим Викентьевич, кто у нас там выдающийся киномеханик? Прокофьев?

— Так точно, мичман Прокофьев, Яков Кириллович.

— Распорядитесь, чтобы он немедленно приступил к проявительным и монтажным работам, выделите ему помощника и проследите, чтобы монтажный материал тоже был сохранён. Это может нам понадобиться в качестве отчёта перед властями, хотя не думаю, что до этого дойдёт. Пожалуйста, предупредите господ офицеров, что зрелище до тошноты отвратительное — наш пациент похож на муху, которую паук употребил в пищу некоторое время назад. Только что паутины нет.

Люди подавленно молчали, переглядываясь, священник качал головой, как заведённый, Осоргин вздохнул и перекрестился.

— Вадим Викентьевич.

— Слушаюсь! — рявкнул Осоргин, краснея и вскидывая руку к фуражке. — Разрешите действовать?

— Действуйте, — и Гурьев резко, чтобы вернуть людей к реальности, добавил: — Это всё, господа.

---

¹⁰ Немецкий (Дейч, нем. Deutsch)

¹¹ Быстролетов Дмитрий Александрович — сын К. Д. Быстролетовой и графа Александра Николаевича Толстого, врач, юрист, художник, писатель и путешественник, много лет работавший в качестве разведчика-нелегала. Никогда не состоял в какой-либо партии, был широко известен в среде русской эмиграции, в т. ч. своими настроениями и лояльностью по отношению к советской власти. «Кооптирован» в Иностраннный отдел ОГПУ А. Х. Артузовым.

— Пустите меня к нему, Яков Кириллович, — попросил священник. — Я должен. Вы же знаете, знаете не хуже меня, — есть долг. Будьте рядом, — пожалуйста, я же не возражаю. Но так — нельзя. Нельзя. Это... не по-людски.

— Какую мерою меряете, такую же и вам отмерено будет. Отче.

— Вот именно.

Все молча смотрели на Гурьева и священника — никто не двигался.

— Ладно, — кивнул Гурьев. — Но на этом — всё, отче. Действительно всё. Я предупреждал вас — назад пути нет. Мы должны закончить начатое. И не говорите, мол, вы ничего не обещали. Есть долг — и есть данное слово. Извините, что напоминаю вам об этом. Идите за мной.

* * *

Отец Даниил несколько долгих мгновений вглядывался в лицо мертвеца.

— Я знаю, что вы думаете, Яков Кириллович, — тихо произнёс он, оборачиваясь. — Вы думаете, он это заслужил. Поверьте, никто, никто на свете не заслуживает такого.

— Не знаю, отче, чему ещё суждено произойти, чтобы я согласился с вами. Ей-богу, не знаю. Делайте, что считаете нужным. Я подожду.